

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ИДЕАЛЬНЫЙ
КАЛИБР

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Идеальный калибр

«Автор»

2010

Самаров С. В.

Идеальный калибр / С. В. Самаров — «Автор», 2010 — (Спецназ ГРУ)

Капитан Герасимов, возглавляющий группу спецназа ГРУ, попал в горах Дагестана в непростую ситуацию. Его отряду нужно заблокировать и уничтожить банду боевиков, засевших в лесу, но сил у него мало, а помощь задерживается. Кроме того, бесследно пропали двое снайперов, посланных в группу для усиления. И, наконец, по округе ходят слухи о жутких волках-оборотнях, обитающих в этом лесу и нападающих на всех без разбора. Капитан – человек военный и не верит в чертовщину, но он уже слышал леденящий вой волчьей стаи и видел необычно изуродованные тела людей. Впрочем, разведчики повидали всякое, оборотнями их не удивишь...

© Самаров С. В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ 1	18
ГЛАВА ПЕРВАЯ	18
ГЛАВА ВТОРАЯ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Самаров

Идеальный калибр

ПРОЛОГ

Треск автоматных очередей был коротким, хлестким и четким, но оставался таким лишь в первичном своем звучании. В дальнейшем эхо множественных выстрелов рассыпалось трескучим горохом по ущелью, звук восторженно перепрыгивал с камня на камень и, отражаясь от скал, становился гулким и грозным. Зачастую множество очередей с одной и с другой стороны сливалось в одну единую безостановочную, но все же в нее вливались и другие звуки, создавая дополнительный шум. Пули свистели над головами, били в камни и снова свистели, кувыркаясь от рикошета. Поглощая их своим голосом, несколько раз грозно рыкнул гранатомет.

– Товарищ капитан, там двое слева выше поднимаются!..

Радист группы, младший сержант Серегин, как раз спешно сворачивал рацию после очередной неудачной попытки установить связь и упаковывал ее в специальный рюкзак, когда увидел, как на верхнюю, удобную для кинжального расстрельного огня точку пытаются пробраться по склону два бандита. Его автомат дал в ту сторону несколько коротких очередей, которые заставили бандитов лишь пригнуть свои головы за камнями, но не остановили их намерений. И положение группы могло стать опасным.

– Радимов! – скомандовал командир роты капитан Герасимов.

Гранатометчик с «РПГ-7» в руках обернулся.

– Сможешь снять? Там камни еле держатся... – Палец капитана показал направление тревоги.

– Понял, товарищ капитан.

Радимов не торопился. Он вообще был таким по жизни: несуетливым, неторопливым и вдумчивым. Гранатометчик сначала посмотрел в бинокль, но не прямо на бандитов, а немного выше по склону. Удовлетворившись осмотром, он поднял свое оружие, пристроил тубу на камень и начал целиться. Осколочных гранат у него не было, ибо российская оборонная промышленность их вообще не выпускает, а «РПГ-7» официально считается противотанковым гранатометом¹. Но бандиты в горах танков в своих сараях и землянках не держат, и потому в бою против них лучше всего шли осколочные гранаты китайского или арабского производства, специально приспособленные для нашего гранатомета, но таковых на складе перед выходом на операцию не оказалось. Вообще в последнее время попадалось все меньше схронов боевиков, которые и являлись основным поставщиком осколочных гранат для армейских складов, поэтому приходилось удовлетворяться бронебойными. Однако сейчас можно было использовать и такую гранату.

Радимов выстрелил. Он вообще считался лучшим гранатометчиком батальона и промахивался редко. И в этот раз граната попала точно в цель: под основание каменной кучи, скрепленной только рыжей глинистой землей. Казалось, что эта куча вот-вот развалится сама и вместе с собой сбросит со склона большие валуны. Выстрел бронебойной гранаты только ускорил этот процесс. Громадные мощные камни, подрагивая и набирая скорость, покатались вниз с грохотом и пылью, заглушая крики бандитов, которые пытались выйти на верхнюю точку для

¹ Во время штурма Багдада американскими войсками из гранатометов «РПГ-7» было уничтожено 14 хваленых американских танков «Абрахамс». Американцы много лет хвастали, что такой танк можно уничтожить только тяжелой ракетой, но защитники Багдада их не слышали и потому спокойно жгли эти танки.

стрельбы. А камни катились дальше: самые круглые из них, сумевшие набрать наибольшую скорость, и докатились до опушки леса, где засела основная часть банды.

– Отходим к перевалу, – негромко скомандовал капитан, как только стих грохот обвала, но еще не успела осесть пыль, сливавшаяся по цвету с окрестными горами и сделавшая видимость для стрелков с обеих сторон близкой к нулевой.

– Взвод! Отходим к перевалу, – повторил команду командир взвода лейтенант Локтионов, для которого этот бой стал самым большим событием в его молодой жизни. До этого он участвовал в нескольких незначительных стычках, но там было просто уничтожение бандитов. А теперь был настоящий бой, с непредсказуемым исходом. Поэтому голос лейтенанта звучал особенно бодро.

Взвод отходил организованно. Сначала пошло первое отделение, прикрываемое плотным усиленным огнем своих товарищей. После того как оно заняло свою новую позицию, его маневр повторили сначала второе, а затем и третье отделения. Этот отход, грамотно выстроенный и отработанный на тренировочных занятиях, вовсе не походил на бегство и в принципе таковым не являлся. Более того, Герасимову очень хотелось, чтобы бандиты, как только осядет пыль, организовали преследование, потому что там, наверху, у спецназовцев, занявших удобную позицию, было бы преимущество, и для атаки на них даже теоретически полагалось бы втрое больше сил, чем у обороняющихся. А откуда бандитам было столько набрать...

Впрочем, они и не стремились показать свою силу, хотя по звукам встречной стрельбы капитан Герасимов, многократно участвовавший в боевых операциях, определил своим опытным слухом, что в банде не менее пятидесяти автоматных стволов, а для атаки перевала требовалось хотя бы девяносто человек, а то и сотня. Судя по всему, бандитами командовал человек опытный, который знал свои возможности и учитывал опасность, которой он бы подверг свою банду, если бы пошел в лобовую атаку на занявших перевал спецназовцев. Поэтому банда не покинула лес, предпочитая прятаться на опушке и одновременно никого в лес не пуская.

Горбатый поворот склона скоро скрыл четыре тропы, по которым ушли спецназовцы. Более того, он даже не позволял бандитам вести прицельную стрельбу.

– Локтионов! – позвал капитан.

Командир взвода появился из-за ближайшего камня, совсем не удрученный прошедшим боем и, может быть, даже наоборот, немного восхищенный самим собой.

– Потери есть?

– Двое легко ранены. перевязка сделана. Могут и марш продолжать, и в бой снова пойти.

– Легко мы отделались. Двигаемся к перевалу. Может, хоть там связь установить удастся...

Капитан встал, и вдруг оттуда, снизу, из леса, где только что занимали позицию боевики, раздался волчий вой: сначала одиночный, протяжный, тоскливый, потом еще два или три голоса подхватили его низкие ноты, постепенно переходящие в протяжные и высокие.

Герасимову показалось, что у него что-то шевельнулось под кожей на голове, может быть, корни волос... Вой был жутким, тоскливым и, как всем показалось, настоящим. То есть это не люди были по-волчьи. Это были настоящие дикие волки. Но ведь там только что были боевики...

* * *

Капитан Герасимов был опытным офицером, прошедшим много боев и скоропалительных стычек, хорошо знающим, как вести себя с боевиками, изучившим их тактику и привычные манеры ведения боя. Предполагалось, что капитан в последний раз ведет своих солдат на операцию, потому что, согласно слухам, уже был подписан приказ о его переводе в штаб батальона на майорскую должность. И этот перевод должен был состояться, как только из дру-

гой бригады прибудет замена ротному. И хотя у него в подчинении был всего-то один взвод спецназа ГРУ вместе с его командиром лейтенантом Локтионовым, он уже назывался не взводом, а группой, так как в нее входили командир роты и приданный группе радист, младший сержант Серегин из штаба батальона. В таком статусе группа совершала рейд по горам, проверяя сообщение осведомителя, видевшего двух, судя по внешнему виду, откровенных бандитов, что вышли из высокогорного аула и направились в сторону Погорелого леса. Осведомитель сумел передать данные только через неделю после события, и они вполне могли устареть. Поэтому большие силы задействовать не стали, а решили для начала обойтись одной компактной группой, чтобы потом, в случае удачного поиска, срочно потребовать подкрепления. Для этого группе и был придан батальонный радист, однако никто и предположить не мог, что в дальних горах связь будет настолько плохая.

Погорелый лес представлял собой большой лесной массив, протянувшийся по склону хребта на полтора десятка километров. Причем противоположный склон того же хребта и противостоящий ему склон хребта соседнего были полностью каменистыми, и из растительности там были только сгустки высоких изломистых кустов, цепляющихся скрюченными корнями за небольшие участки пыли и грязи, заполнявшие пространство между каменными глыбами. Это был обычный для Дагестана пейзаж. Нужно было очень постараться, чтобы на такой высоте найти лес. Но в этом ущелье и только на этом склоне то ли почва была подходящей, то ли по какой-то другой причине лес был, да еще такой огромный. Этот лес, без сомнения, был украшением местной природы и являлся своего рода живым зеленым оазисом среди серых и холодных камней. А Погорелым его прозвали за то, что он часто горел то в одном, то в другом месте без видимой вроде бы причины. Просто возникал пожар, который даже не тушили из-за отдаленности леса от ближайших селений и из-за трудности доступа на склоны хребта. Гонять сюда пожарные вертолеты было сложно: высокогорье из-за сильно разреженного воздуха даже вертолеты не любят. Да и профиль ущелья такой извилистый, что запросто можно зацепиться винтами за деревья, а при задымленности, обязательной при пожаре, видимость на небольших высотах становится нулевой, да и на большие высоты не каждый вертолет может подняться. Облака там всегда плотные и цепляются за верхние точки хребта. Самое главное, что вертолету негде взять поблизости воды для заправки противопожарных емкостей. Летать за водой в дальние водоемы тоже накладно, топливом заправиться негде. Потому на пожары и махнули рукой. Старый лес сгорит – новый на удобренной пеплом земле только лучше расти будет...

Однако в последние два года пожаров в Погорелом лесу не было, хотя легкий дым над верхушками деревьев время от времени все же поднимался, и пастухи его видели многократно. Поговаривали, что это костры. Кто может там жечь костры, объяснять никому нужды не было. И потому разговоры о дымах над Погорелым лесом велись шепотом и не до всех доходили. По крайней мере, федеральным силам о них часто не сообщали. Нет видимой причины для сообщения, когда все основано на слухах. А вот когда увидели двух боевиков – сообщили, правда, поздно. И потому пришлось торопиться. Сформировали группу из подручных сил, из откомандированных в Дагестан бойцов Моздокской бригады спецназа ГРУ, и выбросили там, где было удобно вертолету, а вовсе не самим спецназовцам. Поэтому им пришлось совершить двухдневный тяжелейший марш по сложному профилю, чтобы добраться по ущелью до высокогорного аула. Дорог в аул не было, были только тропы.

В ауле спецназовцев встретили сдержанно, если не сказать неприветливо. Но там им делать было нечего. Спецназ ГРУ обычно не занимается «зачистками» в населенных пунктах, предоставляя это дело «краповым беретам», то есть спецназу внутренних войск. Немного отдохнув в ауле, группа двинулась в путь, такой же трудный, потому что из аула в Погорелый лес не было ни одной дороги, была только одна тропа, да и та потом разбивалась на несколько тропинок, большинство из которых вели на дно ущелья, где росла трава. Эти тропинки были

отмечены многолетними запасами овечьих экскрементов, и становилось понятно, кто их протоптал...

После выхода из аула группа совершила быстрый марш-бросок и уже в ночной темноте почти вплотную подошла к лесу. Но в сам лес спецназовцы входить не стали, желая сначала рассмотреть подступы к нему и поискать следы человеческого присутствия. Для разворачивания лагеря вообще пришлось подняться еще выше, чтобы избежать внезапной атаки, которая из-за близости леса была весьма вероятна. И действительно, утром их атаковали. Правда, часовой был внимательным, среагировал вовремя, поднял тревогу, и атаку сразу удалось остановить. Хуже было бы, если бы их атаковали при входе в лес. Там превосходство в численности бандитов могло бы сказаться более явно...

* * *

– Укрепляем позицию. Обед только после завершения работ.

– Есть, укреплять позицию, – козырнул лейтенант Локтионов и пошел к взводу.

Капитан, как обычно, устроился в стороне от всех и издали смотрел, по жестам определяя правильность команд малоопытного лейтенанта. Но в принципе Локтионов отдавал распоряжения правильно, и возражать или исправлять было нечего. Лейтенант вообще в этом походе с самого начала, с первого двухдневного перехода по трудному маршруту показал себя молодцом. И в бою тоже никто не увидел его робости, хотя практически необстрелянному человеку трудно бывает сразу продемонстрировать и соображение, и хладнокровие. Но лейтенант это демонстрировал, не выказывая присущего его возрасту ненужного лихачества, соблюдая естественную безопасность, но и не пасуя перед противником, превосходящим спецназовцев численностью, а главное, лучше знающим местную обстановку. Зная обстановку, можно было победить и с более слабыми силами, если умело управлять боем, о чем говорила хотя бы та же самая попытка двух бандитов пробраться на выгодную позицию! Не будь в группе такого хорошего гранатометчика, как рядовой контрактной службы Радимов, и не подвернись удобная для обрушения скала, неизвестно, чем бы все закончилось. И то, что банда не бросилась в оголтелое преследование, где обязательно сразу же понесла бы большие потери, тоже говорило о знании обстановки и о боевом опыте их командира.

– Есть связь, товарищ капитан, – доложил младший сержант Серегин, протягивая командиру роты наушники с микрофоном. – Начальник штаба на проводе...

– Здравия желаю, товарищ майор, – чуть торопливо начал говорить Герасимов, словно опасался, что связь снова прервется.

– Куда пропал, Андрей Александрович? Почему на связь не выходишь?

– Рад бы, да связи нет. Только с перевала удалось установить.

– Докладывай обстановку.

– Вышли к нижней опушке Погорелого леса еще вчера вечером. Встали лагерем. Утром были атакованы большой бандой, не менее пятидесяти стволов... У нас двое легко раненных. Точно уничтожили двух бандитов на склоне. Сколько уничтожили в лесу, не знаем.

– Откуда там такие силы, чтобы вас атаковать? Ты ничего не путаешь?

– Я ничего не путаю, товарищ майор. После боя были вынуждены отступить на перевал. Мы закрыли его и никого не выпустим. По крайней мере, в эту сторону. А в другую и дороги нет...

– Значит, нужно выбрасывать полностью роту?

– Так точно... Но я боюсь, Григорий Петрович, для прочесывания и роты не хватит. Идти нужно будет плотно. Лес густой, сильно порос кустами. Видимость ограничена, обзор предельно малый. Если роту развернуть цепью, цепь будет не плотной, и велика возможность прорыва. Необходимо будет перекрыть и наши тылы.

– Мечтатель! А где я тебе возьму дополнительные силы, Андрей Александрович? Из Чечни роту снимать? У них там своя операция.

– У нас сложный горный профиль, дающий возможность или спрятаться, или организовать засаду. На стороне бандитов знание местности. При малой численности не обойдемся без значительных потерь.

– Да понимаю я все. Буду докладывать наверх. Пусть они решают. Сейчас как, отбиваетесь?

– Сейчас окопались и обед готовим. Бандиты после боя из леса не вышли, атаковать перевал не пожелали. У них, думаю, эмир опытный. Понимает, что сил для атаки мало, и не рискует. Рассчитывает, что мы сами по себе снимемся и уйдем. Тогда и он уйдет.

– Ладно. Я срочно доложу. Заранее знаю, что мне не поверят. Просто не захотят поверить. Это им показатели подпортит. Откуда такой крупной банде взяться, когда они постоянно рапортуют об уничтожении то одной, то другой... Но я буду вопрос ставить жестко и попрошу подкрепления для твоей роты.

– Понял, товарищ майор. Мы остаемся на позиции. Идти сейчас в атаку невозможно.

– Это даже я в своем кабинете понимаю. Кстати... Тебе в подкрепление двух человек отправили. Надеялись, что связь будет, сообщим, и ты их встретишь. Не просчитали возможность неполадок со связью. Они с гражданским грузовым вертолетом вылетели на противоловинную станцию. Должны были пешком пройти до аула, а там или тебя ждать или пойти по твоему следу, поскольку направление у них единственно возможное. Район спокойный, эксцессов быть не должно.

– Кто такие? – не понял Герасимов.

– Наши парни. Два младших сержанта из твоей роты. Закончили школу снайперов. Перед выпускными экзаменами их отправили по месту службы для стажировки. Получили новые американские крупнокалиберные снайперские винтовки «Харрис» с тепловизорными прицелами. Недешевые штучки, что винтовка, что прицел. А для тебя в местных условиях прицел с тепловизором – это половина успеха. От тепловизора никакой лес спрятаться не даст. Издали любого бандита отыщешь. Нужно встретить. Сможешь к аулу выйти?

– И открыть перевал?

– Ну, пошли пару человек. Снайперы по расчетам должны уже сегодня быть в ауле.

– Хорошо. Пару человек послать навстречу смогу. В ауле обстановка не дружественная... Как же мне раньше не сообщили!

– А так вот... Надеялись, что связь будет. А ты четвертый день молчишь.

– На перевале связь устойчивая. Людей навстречу снайперам я пошлю. А когда, товарищ майор, что-то известно будет? Относительно подкрепления...

– Думаю, не раньше, чем часа через три. Тогда и выходи на связь. Если меня еще не будет, радисту сообщат время следующего сеанса.

– Понял, товарищ майор, до связи.

– До связи, Андрей Александрович...

* * *

Добираться с перевала до аула никак не меньше четырех часов. Хотя бы полчаса нужно, чтобы найти в ауле снайперов, да и самим бы надо дыхание перевести, воды из ручья попить и фляги наполнить. По большому счету, лучше бы дожидаться утра и только утром направить пару человек, чтобы встретили в ауле и привели на перевал двух недоучившихся снайперов. Капитан Герасимов помнил их фамилии и звания: младший сержант Братишкин и младший сержант Востриков, помнил их в лицо, но вот имена забыл. В ауле отношение к федералам у большинства жителей было откровенно холодное, и не хотелось подвергать парней лишним

испытаниям. Поэтому Герасимов решил отправить навстречу снайперам лейтенанта Локтионова с кем-то из опытных солдат. Возвращаться группе придется в темноте, но здесь горы не такие страшные, чтобы темноты бояться. Да и ночи над хребтом стоят светлые, звездные.

Капитан позвал Локтионова и в нескольких словах поставил задачу.

– Снайперы вольются в мой взвод? – сразу заинтересовался лейтенант.

– Не жирно ли будет для одного взвода? – усмехнулся капитан. – Два снайпера с крупнокалиберками... Одного еще смогу, пожалуй, у тебя оставить...

– Востриков из моего взвода, – напомнил Локтионов.

– И хорошо. Его и возьми. А Братишкина другому отдадим. Откуда его отправляли? Сейчас не помню откуда. Как, кстати, зовут твоего Вострикова? Помнишь хоть?

– Петя. Петя Востриков. Толковый парень, вдумчивый. Но встретить все равно нужно. Тогда я собираюсь. Кого с собой взять?

– Сам смотри. Кого поопытнее, кто местные условия знает...

По крайней мере, личные дела солдат своего взвода Локтионов изучил тщательно и ошибки в выборе допустить не должен. В любом случае он своих парней знает лучше.

– Анзора Бапынаева возьму. Он балкарец, но все равно кавказец. Местные порядки знает...

– Хорошо. На весь поход у тебя восемь с половиной часов. В светлое время можешь идти быстрее, чтобы время сохранить. Могу даже предположить, что снайперы уже сюда вышли, поскольку в ауле их никто не ждет. Тогда вы встретитесь на тропе и раньше вернетесь. Будь осторожен при возвращении. С часовым перекликайтесь. А то ненароком подстрелит...

– Понял, товарищ капитан. Я пошел...

– С Богом.

* * *

Незадолго до назначенного сеанса связи со штабом откуда-то из дальних ущелий донесся непонятный шум. Капитан Герасимов прислушивался долго. И радист, младший сержант Серегин, наострил свое чуткое к звукам ухо и встал рядом с капитаном.

– Что это? – спросил радист. – Словно сброс воды с плотины...

– Здесь нет плотин. И воды в таком количестве нет. Эхо звуки уродует, до нас непонятно что доносит. Я думаю, где-то там вертолеты летят. И не один вертолет. По крайней мере пара.

– Высоко для вертолетов, товарищ капитан, – не согласился младший сержант. – Не рискнут они сюда забираться.

– Рисковать или не рисковать, это выбор пилотов. А пилоты – это люди, и у каждого собственная высота риска, как и высота полета. Я в молодости знал одного гражданского вертолетчика, который на такие памирские высоты забирался, куда ни один военный не летал. Причем на самом обычном вертолете. Потом взлететь не мог, набирал по земле скорость и бросал машину с обрыва. И в падении уже винтами за воздух цеплялся. Этого я сам не видел, только рассказывали... Похоже, конечно, на легенду, но от него всего можно было ожидать...

Они вслушивались в звуки еще пару минут.

– Развернул рацию? – спросил наконец капитан.

– Сейчас, – хватился младший сержант слегка растерянно и бегом вернулся к прерванной работе.

Связь была установлена вовремя. Капитан Герасимов как раз на часы посмотрел. Ровно три часа прошло с момента последнего разговора с начальником штаба. И в этот момент младший сержант Серегин позвал:

– Товарищ капитан, начальник штаба батальона.

Герасимов взял наушники с микрофоном. Как обычно, наушники не надевал, а просто к уху прикладывал так, чтобы микрофон возле рта оказывался.

– Слушаю, товарищ майор...

– Что там у тебя, капитан? Не прибыла подмога?

– Снайперы? Пока не прибыли. Выслал за ними двоих...

– Я про «краповых» и про наших. Три большегрузных вертолета вылетели два часа назад. Твоя рота без одного взвода, и в дополнение «краповые» во главе с капитаном Ермолаевым. Он – к тебе в подчинение, хотя по численности «краповых» вдвое больше. Операцией по-прежнему командуешь ты.

– Мы слышали звук вертолетных двигателей. Это где-то в долинах. Возможно, даже в районе аула или, скорее, чуть в стороне. Значит, часа через четыре будут у нас. Может быть, через пять... «Краповые» ходят медленно. Тем более большой колонной.

– Да, у них три минометных расчета с собой. Несут на себе и минометы, и запас мин.

– Значит, через шесть с лишним часов. Надеюсь, моя рота ждать их не будет...

– Я так и приказал. Рота выдвигается сразу. Это на тот случай, если бандиты в атаку полезут. Кто знает, какие у них планы. Может, они для операции сконцентрировались, а ты им мешаешь.

– Перевал я и сам удержу. Здесь всего четыре тропы. Не прорвутся. Но вот контратаковать со своими силами не рискну. Полным составом роты – можно. Но тоже не в лоб. Или обходить по боковым тропам, или на плечах идти после их атаки.

– Как они там, шевелятся? Тебе лес сверху видно?

– С перевала не видно, но на повороте склона у меня пост. Если пойдут, наблюдатель сообщит. Пока молчит, значит, не высовываются.

– Хорошо. Кого послал за снайперами?

– Командира взвода с солдатом из кавказцев. Правда, не дагестанец, а балкарец, но местные порядки знает и в ауле себя поведет правильно.

– Хорошо, что офицера послал. Надежнее. Ладно, встречай пополнение. Следующий сеанс через три часа.

Вернув наушники радисту, Герасимов поднялся на седловину перевала. Она была недалеко, в двадцати шагах. Звук, что недавно привлек внимание, стал заметно слабее. Вертолеты, скорее всего, не садились, а просто сбросили десант, который сразу после приземления должен был выступить в марш, а сами отправились восвояси, чтобы вернуться уже после окончания операции вместе с работниками следственного комитета при окружной военной прокуратуре. При высадке задержка наверняка была, когда спускали минометы и мины. С таким грузом много не попрыгаешь, да и сбросить его можно только вертолетными блоками, специально предусмотренными для таких случаев. Не слишком быстро, зато надежно. Но спецназ ГРУ наверняка не стал дожидаться, пока «краповые» закончат выгрузку, и уже двинулся маршем в сторону перевала, вперед, на выручку своего командира. Все это было просчитано Герасимовым, и вовсе не в укор внутривойсковикам. Просто у каждого вида спецназа собственные задачи, и этими задачами обуславливается методика тренировок. Стремительные переходы – это задача спецназа ГРУ. Здесь с ним мало кто рискнет потягаться силами. А если, скажем, требуется провести «зачистку» территории, тут уж флаг в руки «краповым», это их дело, и сделают они его лучше всех других. Вот когда они подойдут, тогда, пожалуй, уже и «зачистку» можно будет начинать. А подойдут они уже в темноте или в преддверии темноты. Какое-то время придется им дать на отдых: высокогорье на дыхании сильно сказывается. Капитан Герасимов уже мысленно объединил силы, которые будут под его командованием, и знал, что именно следует делать. Герасимов решил выдвигать свою роту четырьмя колоннами, скрытно, с рассеиванием перед самым лесом. Бойцы должны будут ползком и незаметно пройти опушку, обнаружить бандитские посты и снять их без звука. В том, что основные силы бандитов уже ушли, капитан

был уверен, поскольку хорошо изучил бандитскую тактику в Чечне и в Ингушетии, теперь вот пришлось применять полученный опыт в Дагестане. И невольно думалось, какая республика станет следующей на пути спецназовцев...

Но пока следовало думать не об этом. Пока более конкретные задачи требовали продуманности действий, и капитан пошел по тропе вниз, к оставленному на повороте склона дозору, чтобы оттуда в бинокль попробовать рассмотреть, что там творится на опушке...

* * *

– Товарищ капитан, – встал один из дозорных солдат, чтобы доложить обстановку, но капитан махнул рукой, прерывая доклад, и толкнул солдата в плечо, силой заставляя снова спрятаться за камень.

– Кто тебя подпрыгивать на посту учил? Локтионов?

– Никак нет, товарищ капитан. Никто не учил.

– Сиди и не высывайся. А если у них снайпер там? Теперь будет тебя караулить.

– Нет там снайпера, – твердо ответил второй солдат.

– Откуда ты знаешь, кто там есть, кого нет? Туда спускался?

– Там волки бегают... – В голосе солдата слышались нотки ужаса.

– А ты волков боишься? – спросил Герасимов улыбаясь, но без иронии в голосе, потому что вспомнил недавний волчий вой, от которого волосы вставали дыбом. – А зачем тебе автомат?

– Еще в ауле рассказывали... Говорили, что бандитов в лесу нет. Они этого леса боятся. Здесь стая волков-оборотней бегают, которых пуля не берет... И потому в лес никто не ходит. Все местные этого леса боятся.

– Это бандиты сказки распускают, чтобы нас остановить. А ты вой услышал и раскис... Сами бандиты и выли. Зря, что ли, на знамени Дудаева волк был нарисован!

– Это не бандиты, – сказал первый дозорный. – Это настоящие волки выли.

– У тебя что, слух скрипача? Фальшивые ноты уловил?

– Мы волков видели, – сказал второй дозорный. – Четверо из леса вышли, постояли, посмотрели в нашу сторону и ушли.

– А бандитов видели?

– Ни одного.

– Ладно. Теперь я посмотрю...

Капитан лег между двумя камнями и упер локти в рыжую, лишённую травы землю. Но так лежать из-за крутизны склона было неудобно, и он быстро перестроился, присев к камню боком. Он смотрел уже поверх камня, хотя знал, что представляет собой хорошую мишень для снайпера. Видимо, что-то подсказывало ему, что бандитов на опушке действительно нет, зато где-то недалеко есть волки. Все же он не удержался и сказал солдатам:

– Видно, что вы парни городские. Не знаете, что волки в стаю только на зиму собираются. А сейчас только-только лето начинается. Самое большее, что можно увидеть, это пару волков. А вы – четыре...

– Четыре волка было, – в унисон друг другу сказали дозорные, и так твердо сказали, что не поверить им было трудно.

– Не сезон сейчас для стаи... – снова ответил капитан, но ответил неуверенно, потому что выл не один волк и не два.

И вообще, что-то здесь, в этих местах, было не так. Необычно большая банда, стая волков, собравшаяся не вовремя...

– Так то стая волков, а это стая волколаков²... – сказал первый дозорный.

– Слова-то какие знаешь, – усмехнулся капитан, но сам почему-то веселости не испытывал.

Да и веселиться было не от чего, потому что там, на опушке, в окулярах бинокля мелькнула среди кустов тощая серо-рыжеватая тень. Мелькнула и быстро исчезла. Герасимов быстро подстроил бинокль и стал поочередно просматривать одни заросли кустов за другими. Но безрезультатно. Больше он никого не увидел. Тем не менее волчья тень успела промелькнуть, и сомневаться в этом не приходилось...

* * *

Капитан вернулся к укреплениям перед перевалом, сделанным очень быстро, но все же основательно. В них даже были мелкие окопчики, позволяющие занимать удобное положение при стрельбе лежа.

Здесь, пока не поступил тревожный сигнал от дозорных, можно было не прятаться от автоматных очередей или от одиночных выстрелов снайпера. И потому все солдаты сидели неподалеку от своих окопов, готовые в считанные секунды занять боевую позицию. Герасимов нашел подходящий камень, чтобы присесть. Ему даже не нужно было каким-то словом или жестом привлекать к себе внимание, потому что все и так на него смотрели.

– Есть ли среди вас охотники? Не те, кто один раз сходил уток пострелять, такими не интересуюсь. А настоящие, серьезные?

Пауза длилась недолго. Радимов отложил в сторону тубу гранатомета.

– Я сам-то, товарищ капитан, не слишком, а вот отец и дед у меня – это да... Они настоящие охотники были. Отец до сих пор покоя не знает, хотя дичи в наших местах не стало. Как и везде, впрочем...

– А волков они стреляли?

– Я в детстве, помню, на волчьей шкуре спал.

– А рассказы про волков ты слышал? – спросил капитан.

– Конечно, слышал, – неохотно ответил гранатометчик. – Это вы про тех... – Он кивнул в сторону тропы, ведущей к лесу леса.

– Да, про тех. Ты сможешь отличить голос настоящего волка от человеческого подражания ему?

Радимов вздохнул:

– Отличу. Каждый человек сам отличит. По ощущениям... Я в каком-то журнале читал научную статью про волчий вой. Он звучит так, что действует на участки головного мозга, которые у людей и зверей отвечают за страх. Внизу не люди выли. Люди так не сумеют. Это был натуральный волчий вой...

– Тогда скажи мне вот что...

– Откуда в это время года стая?

– Да.

– Сам об этом думаю, товарищ капитан. Не должны волки летом стаями ходить. Они – не собаки. Собаки могут. Одичавшие, я имею в виду. Но даже полностью одичавшие собаки не воют по-волчьи. И вообще вой собак идет в другом звуковом диапазоне. Не знаю, одним словом...

– А это и не волки, – сказал солдат с левого фланга. Его позиция была наверху, на скале, голос был слышен, но самого солдата не было видно. – Нам старики в ауле говорили, что это

² Волколак – человек-волк, волк-оборотень. Предания о них существуют у многих народов. Пожалуй, славянская мифология единственная, где оборотни не всегда были отрицательными персонажами.

оборотни. Они уже много лет здесь обитают. Еще в Первую чеченскую войну из Чечни пришли и покоя пастухам не дают. Захотят – в людей обратятся, подойдут, бывало, в горах с пастухами поговорят. Захотят – станут волками и у тех же пастухов ягнят украдут. Иногда и на людей нападают.

– У пастухов здесь собаки свирепые. Я видел раз... – рассудительно заметил Радимов. – Стадо маленькое, три десятка овец, и пять собак. Кавказские овчарки. Ни одному оборотню мало не покажется. Эти псы ни оборотня в виде волка, ни волка в человеческом облике к пастухам не подпустят. Они никого не пощадят.

– А собаки оборотней боятся, – уверенно заявил солдат с верхней позиции. – И в человеческом облике, и в зверином. И потому, как старики говорили, пропускали их к пастухам. Поэтому те и поняли, что это оборотни, что собаки их испугались...

Радимов только вздохнул. Спорить на такую скользкую тему он не желал. И вообще, как можно говорить о том, чего не знаешь. И разговор о волках и оборотнях заглох сам собой.

Капитан Герасимов еще раз поднялся на седловину перевала и прислушался. Звук вертолетных двигателей уже совершенно не было слышно. Быстро улетели. Могли бы, конечно, и дальше пролететь, но не рискнули. Предпочли доставить спецназовцам удовольствие от пешей горной прогулки. По местности, где водятся волки-оборотни. Впрочем, оборотни были с другой стороны хребта, и думать о них не хотелось, потому что думы эти приятными и радостными быть не могли и мешали сосредоточиться на боевой обстановке. Но все же узнать, чем пугали солдат старики в ауле, было необходимо. И Герасимов полез на скалу, где должен был находиться тот самый солдат, который только что разговаривал с Радимовым.

К удивлению капитана, на скале никого не оказалось. Там был выложен небольшой бруствер, но окопчика не было. Впрочем, окопчик вырыть здесь было трудно, поскольку земля покрывала монолитный камень только тонким слоем. А солдат куда-то пропал.

Капитан посмотрел со скалы. Все солдаты сидели внизу.

– Радимов! Здесь, на скале, кто сидел?

– Рядовой Бапынаев, товарищ капитан.

Бапынаева хотел взять с собой лейтенант Локтионов. Это Герасимов помнил точно.

– А где он?

– Не могу знать, товарищ капитан.

– А кто с командиром взвода ушел?

– Кажется, Бапынаев и должен был... – неуверенно ответил гранатометчик.

– А кто вместо него здесь засел?

– Не могу знать, товарищ капитан.

– Что ты заладил одно и то же. Ты с кем об оборотнях и собаках сейчас разговаривал?

– Кажется, с Бапынаевым... – неуверенно пожал плечами Радимов.

Капитан обреченно махнул рукой. Что-то непонятное творилось вокруг, и нельзя было на этом заикливаться, потому что оно помешает провести операцию как полагается. И на ситуации с Бапынаевым внимание заострять было нельзя, потому что такие разговоры могут вселить в солдат неуверенность. А неуверенность при выполнении задания, которое собрался дать своей роте капитан Герасимов, может иметь плачевные последствия...

* * *

Только тренированная воля капитана Герасимова, человека совсем не суеверного и не материалиста, потому что в церковь он время от времени ходил и ставил свечки за своих умерших родителей, за погибших друзей, да и за собственное здравие тоже, смогла заставить его выбросить из головы все мысли о волках и оборотнях. Необходимо было сосредоточиться на том, как рота будет входить в лес. Внешне этот вроде бы простой маневр может в действитель-

ности оказаться сложным и опасным, тем более что уже была возможность убедиться, что бандами руководит человек хладнокровный и опытный. Если боевики просто отступили на пару десятков метров и залегли там, удачно замаскировавшись, они имеют возможность подпустить военных разведчиков на дистанцию убийственного кинжального огня и произвести залповый расстрел. Естественно, что в таких залапах применяются не отсеченные одиночные выстрелы, а короткие и жестокие очереди. За пять секунд можно успеть дать пять прицельных очередей. А если эти очереди будут давать пятьдесят человек, то они в состоянии уничтожить и крупный отряд наступающих. И потому осторожность требовалось проявлять предельную и о безопасности роты необходимо было позаботиться.

Капитан снова спустился к наблюдателям дозора и вновь раз за разом осматривал каждый доступный для внимания участок леса. В одном месте показалось, что из кустов торчит пулеметный ствол. Но сказать категорично, что это так, тоже было нельзя. Это мог быть простой сучок дерева, обладающий причудливой формой, а воображение дорисовывало правильность очертаний. Однако Герасимов всегда предпочитал перестраховаться и не надеяться на случайность или везучесть. В данном случае он отвечал не только за себя, но и за жизнь солдат своей роты, а это накладывало на командира дополнительные обязательства. Это там где-то, в высоких штабах, где солдат в лицо не знают, где их вообще не видят и все солдаты и офицеры являются только лишь боевыми единицами, из которых составляется выполнение общих планов, могут позволить себе и риск, которого можно было бы избежать, и вообще порой приносят кого-то в жертву, чтобы добиться стратегической цели. Ротному так нельзя. И не только потому, что ему предстоит писать потом письма матерям и отцам погибших солдат, но и просто по-человечески – нельзя. Это заставляло Герасимова обдумывать каждую деталь предстоящей операции.

– Товарищ капитан, а оборотни вообще-то бывают? Или это сказки? – спросил один из дозорных, вглядываясь вниз, в опушку леса.

Дозорные только недавно сменились. Эта пара солдат волков не видела, но, кажется, слух уже распространился по всему взводу и начал давить на психику солдат. В местах, где пули посвистывают чаще и где есть повышенная вероятность прощания с жизнью, психика не может быть предельно уравновешенной. Даже опытные офицеры, умеющие управлять собой, и те иногда бывают на грани срыва. О солдатской психике в районе боевых действий вообще говорить нечего. Она просто подорвана. А тут, мало того что в бою убить могут, нет ведь, еще и мистика какая-то. Такое положение вещей требовалось срочно прекратить, но как это сделать, Герасимов пока не знал. И даже, наоборот, он хорошо понимал другое: человеческая психика так устроена, что если приказом запретишь разговоры о волколаках, то тем самым только возбудишь солдат, и разговоры будут вестись шепотом и приглушенным голосом, что сделает ситуацию малоуправляемой.

– Я за свою молодую жизнь пока ни разу с ними не встречался... – ответил Андрей без всякой усмешки, потому что волчий вой сразу всплыл в памяти. – Спроси лучше у тех, кого оборотень кусал... Если, конечно, они смогут ответить.

– А те, кого кусали, тоже в оборотней превращаются?

– Не путай оборотней и вампиров. Это разные вещи в мифологии.

– Я читал как-то про оборотней, – сказал второй дозорный. – Какая-то фантастика, что ли... Оборотнем можно только по своему желанию стать. Нужно найти пень, воткнуть в него нож, прочитать заклинание и перекувыркнуться через нож. А чтобы снова человеком стать, нужно все сделать в обратном порядке³. Всего и делов-то...

Капитан снова припал к биноклю.

– Сколько смотрю, ни одного пня в этом лесу не вижу...

³ Толкование С.В. Максимова из книги «Нечистая, неведомая и крестная сила».

Этим разговор, кажется, был исчерпан.

* * *

Внезапно в темноте послышался шорох. Немедленно раздался окрик часового. Он был хорошо слышен в ночи и звучал строго по уставу. Но ответ, который прозвучал с обратной стороны, разобрать было сложно.

Капитан Герасимов встал и поднялся на седловину перевала, чтобы встретить пришедших. И уже через пять минут темнота расступилась, и к командиру роты быстро приблизился лейтенант Локтионов.

– Они пришли, товарищ капитан?

– Кто? – не понял Андрей.

– Снайперы.

– Куда пришли? – Герасимов уже понял, что произошла какая-то неприятность. – Здесь их не было. Докладывай подробно.

– Снайперы не захотели ночевать в ауле. Предполагаю, встретили их там не слишком приветливо. Но все же показали, в какую сторону пошла наша группа. Они пробыли там полчаса и двинулись сюда. Вдвоем могли бы уже утром догнать, двое – это не колонна, там скорость другая...

– Должны были, – согласился командир роты, морщась по своей привычке от неприятной вести. – Вдвоем быстрее идти... Но где они? Ты следы смотрел?

– Так наша группа шла этой же тропой. А подошвы у солдатских ботинок одни и те же. Выделить практически невозможно.

– Какого-то изменения обстановки на маршруте не заметил?

Лейтенант неуверенно пожал плечами и ответил так же неуверенно:

– В трех местах наши следы перекрывались волчьими...

– Волчьими или собачьими? Может, собаки из аула бегали?..

– Я с детства с собаками дело имею, товарищ капитан, могу отличить. У волков волосы между пальцев лап не растут, и след другой. Он более четкий, как вырисован. Нас с Анзором в ауле пугали. И наверняка снайперам тоже говорили. Говорят и радуются.

– И ты туда же... – недовольно сказал капитан. – Это про оборотней?

– Про оборотней, – подтвердил Локтионов.

– Веришь бредням?

– Я верю фактам. Нам предложили на две могилки сходить. Двух пастухов оборотни прикончили. В одну неделю. Говорят, мозг выгрызают, а тело не трогают.

– Страсти какие, – засмеялся капитан.

И в ответ тут же раздался волчий вой из недалекого леса. Снова такой же, как утром. Сначала завыл только один волк – тоскливо и протяжно, долго вытягивая одну и ту же вибрирующую ноту. Потом второй подхватил, и даже разницу в голосах можно было уловить. А потом целая стая включилась. И опять мурашки по коже пробежали и зашевелились корни волос. Герасимов заметил, как торопливо встали на ноги все солдаты и стали всматриваться в темноту.

– Оборотни, – проворчал капитан. – Посмотрим, как эти оборотни на пули реагируют, а потом говорить будем.

– Кто-то в ауле сказал, что простые пули оборотней не берут. Только заговоренные или серебряные. Другие ему не поверили. Стали говорить, что одного подстрелили, но шкуру содрать не успели: оборотень исчез, растворился...

– Они наговорят, – рассердился Герасимов. Он был зол не на лейтенанта, а на свою неспособность доказать, что оборотничества быть в природе не может.

– Они наговорят... – согласился лейтенант Локтионов. – Запугать нас хотели, это точно.

– Но где же снайперы? – Капитан раскрыл планшет и подсветил фонариком в карту, словно надеялся там найти ответ.

– Кроме волчьих следов, мы не увидели ничего, что могло бы заинтересовать, – сухо сказал лейтенант.

– Свернуть им было некуда. Только к нам могли выйти. Значит, не дошли...

В это время до ушей капитана донесся новый окрик часового. Значит, на подходе рота и следует ее встречать. Теплилась надежда, что снайперы каким-то образом встретились с ротой и прошли маршрут вместе с ней...

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Младший сержант Петя Востриков, почти готовый снайпер

«...ты прямо этому Амирхану скажи, что я скоро вернусь и оторву ему голову. Я не его одноклассник и вообще к шутникам себя не отношу. Просто заявлюсь к вам в школу, вытащу его из класса прямо с урока, и весь его авторитет сразу кончится. Не бойся на меня ссылаться. Скажи, он отстанет. Скажи, что я многих его соплеменников жизни научил. И он, если будет тебя доставать, так просто не отделается... Я сам скажу ему, когда приеду, что с ним будет. Это если отстанет. А если не отстанет, то и объяснять не буду. Станет посмешищем у всего Моздока...

Еще... Ты про Людку писала. А Людка твоя – дура-дуриой, и голова у нее опилками и дискотеками набита, а мозгов там от рождения не было. У нее это в глазах написано. Самая подходящая пара Амирхану. Мой тебе совет: держись подальше от таких подруг. Ты бы видела, как она без тебя круги вокруг меня наворачивала, тогда поняла бы, почему она не хочет нас с тобой рядом видеть. Ну, это нам с тобой решать, а не всяким людкам... И вообще будь готова, она тебе еще много чего наговорит. С ее головой умное что-то выдумать невозможно, вот и лепит всякую ерунду. Не верь! У нас не такая служба, чтобы наркоманов здесь держали. Знаешь, за что боевики нашего ротного к смерти приговорили? Он трех парней, которых мирными жителями называли, пристрелил. Наверное, помнишь эту историю. Шума тогда много было. Боевики через этих парней наркоту пытались в бригаду подсунуть. Капитан пристрелил их сам, без суда. Его даже посадить за это хотели. Но как-то там сделали все так, что следствие закрыли. Потом снова открывали, но снова закрыли. Для ротного, слава богу, обошлось все... А вообще у нас, если заметят такое, человека накажут сразу. Можешь не волноваться. Не употреблял это дерьмо и не буду... И не верь Людке. Она сама, наверное, обкурилась, если на меня показывает.

Вера, я скоро уже вернусь и сам тебе все скажу. Говорят, что перед экзаменами нас отправят на стажировку по своим частям. Два месяца стажировки, потом выпускные экзамены. Если все будет так – увидимся, может, через неделю. Я, может быть, даже письмо свое обгоню...

Я вот думаю, а стоит ли тогда его отправлять? Лучше сам приеду, покажу тебе – читай, Верунчик, если я словами сказать не смогу...»

* * *

– Давненько я таких маршей не вышагивал, – переведя дыхание, посетовал Валера Бра-тишкин, с которым нас и отправили догонять мой взвод, что находился сейчас под командованием ротного капитана Герасимова. – Тебе мешаю, торможу...

– Ты считаешь, что мне в удовольствие скакать, как дикая лошадь? – спросил я в ответ, стараясь так успокоить Валеркину совесть. – Я сам с удовольствием медленнее иду...

Почему меня отправили, это понятно. Все-таки мой взвод, и мне в нем служить согласно контракту еще не один год. А взвод, из которого отправляли на учебу Валерку, в настоящее время в Ингушетии находился и в ближайшее время в бригаду не собирался. Вот туда бы его...

Но в Ингушетию, видимо, попутного транспорта не было. А стажировку, да еще с новыми винтовками, которых и опытные снайперы-офицеры не имеют, необходимо было проходить в сложных боевых условиях, чтобы такую классную технику освоить. Вот Валерку ко мне, грубо говоря, и «прибавили» простым арифметическим действием. Не позволили ему отдыхать и своих дожидаться. И мне тоже не одному через горы добираться. По одному в здешних условиях никого не отпускают. Обычно солдат без офицера даже парами не пускают, только ввиду особых обстоятельств. Видимо, здесь был тот самый случай. А что произошло, нам не докладывали. Не нашего, как говорится, ума дело. Наше дело приказы выполнять, а отдают их другие.

Хотя, может быть, здесь и другое сказалось. В перечне упражнений, которые мы должны были освоить в боевой обстановке, была стандартная работа снайперской пары. Лучше всего пара работает против снайперов противника, когда устраивается так называемая дуэль, но у бандитов теперь снайперы в дефиците, и потому на дуэль рассчитывать не приходится. Есть, однако, и другие варианты работы парами. Например, когда противник знает, что находится под обстрелом снайпера. Тогда он после очередного выстрела меняет позицию. Он думает, что тот один и что он успеет перескочить за другое укрытие до следующего выстрела, и тут нарывается на пулю второго снайпера. Возможно, в нашем стажировочном предписании как раз и была прописана парная работа, потому нас и оставили в связке. Так вдвоем и отправили, не дав даже суток отдохнуть после прибытия в батальон. А отдохнуть хотелось.

Хотелось даже большего и, может быть, даже важного. Я планировал в тот же вечер в «самоход»⁴отправиться, чтобы Веру навестить, подружку свою. Она молода и наивна, какой и положено быть нормальной десятикласснице. Ненормальных десятиклассниц я тоже много видел, и больше не хочу. Ненормальные только о развлечениях думают. Их так весь внешний мир воспитывает. Телевизор и прочее... Мне это никогда интересно не было. А она именно нормальная, без современной дури в голове. Вера терпеливо ждала меня шесть месяцев, когда я учился в школе снайперов, и писала по письму через день. Я по-мужски был более сдержан и писал два письма в неделю. Наверное, и разница в возрасте сказывалась. Шесть лет – это немалый срок. У нас с ней хорошие отношения складывались. Я Веру от всего и всех берег и имел в отношении ее самые серьезные намерения. И потому встречи с ней ждал, и она ждала. Но вот увидиться не получилось. Отправляли нас быстро и, я бы даже сказал, торопливо. Причину нам не объясняли. Так, краем уха слышал, что в той операции, куда нас погнало, тепловизоры нужны. Но они везде нужны...

Сначала нас вертолетом забросили вместе с какими-то ящиками на противоловинную станцию. Командование договаривалось, билеты брать не пришлось. Полет был такой, что просто нет слов. Вертолет гражданский, дребезжал, как консервная банка, и мы с Валеркой гадали, в какую минуту он развалится. И очень удивились, что этого не произошло. Потом лавинологи куда-то по своим делам выезжали, по пути отвезли нас на машине до нужного поворота на высокогорье и высадили. Пальцем ткнули, показывая направление.

– Дальше по большой тропе, никуда не сворачивая. Там ошибиться невозможно. Следуйте за поворотами большой долины. За сутки дойдете до аула, а там уже ваши рядом... – так нас и напутствовали.

Повезло нам. За счет того, что часть пути мы на машине проехали, уже кучу времени сэкономили. А те сутки, что дали нам на дорогу до аула лавинологи, они оценивали по своим более чем скромным возможностям. Мы с Валеркой на такие мерки внимания предпочли не обращать и двинули привычно, как нас учили, маршевым темпом. Останавливались только один раз, чтобы на двоих уничтожить один пакет сухого пайка. Больше на марше лучше не есть, иначе идти трудно. И добрались до места за восемь часов. Значит, сделали мы вывод,

⁴ «Самоход» – самоволка, самовольная отлучка с территории части; дисциплинарно наказуемое действие.

лавинологи в ходьбе слабы, привыкли больше к машинам и вертолетам. Но нас и это не расслабляло, потому что мы готовы были и в ночь двинуться дальше, надеясь до темноты успеть нагнать взвод.

Карта у нас была. В штабе выдали, и даже без росписи. Не армейская, не секретная, без нанесения на нее мест дислокации воинских частей и специальных обозначений, типа геодезических знаков, помогающих ориентироваться, но все же и на этой карте были обозначены тропы. Мы прикинули свои возможности и решили, что можем ускориться. Тем более в ауле нам сказали, что взвод вышел по маршруту только нынешним утром. Значит, до леса, куда взвод направлялся, он еще не дошел и в сам лес, скорее всего, пойдет только завтра. Есть возможность нагнать. Вдвоем можно шагать быстро. Колонной такое передвижение осуществлять сложнее, если только бежать, но о том, что взводу следует торопиться, нас в известность никто не ставил. Нам на маршрут должно было хватить четыре часа – так я по карте определил. В крайнем случае, если в это время не уложимся, подойдем в темноте. Не окликнув, даже часовой не стреляет, и потому разобраться возможность будет. Да и оставшийся путь в большинстве своем выпадал на еще светлое время суток. Значит, много спотыкаться не будем.

Правда, нас пытались пугать местные жители. Каких-то волков-оборотней придумали, которых пуля не берет, а сами они на людей нападают и, дескать, мозг из черепа выгрызают. Пугали, а у самих глаза хитрющие... Нас этим не проймешь. Мы и сами хитрые.

И мы пошли совершенно без страха. Но оказалось, что силы мы рассчитали неправильно...

* * *

Общие силы всегда следует измерять по слабому звену. Я еще вполне нормально себя чувствовал, когда Валерка заметно сдыхать стал. Он перед отправкой в школу снайперов три месяца после ранения в ногу пролежал в госпитале. Естественно, не тренировался. А все занятия по общефизической подготовке в школе снайперов, хотя они и казались кому-то чрезвычайно интенсивными, для нас, по большому счету, и тренировками не были. Нагрузка совсем не та, что в спецназе ГРУ, где тебя до кровавого пота гоняют. Капитан Герасимов, наш ротный, сам не понимал, что такое усталость. И не понимал, когда другие устают. А в школе... Так, утренняя разминка перед завтраком. Потому Валерка форму потерял окончательно и стал тормозить, а потом, хотя и не жаловался на боль, совсем захромал. Осуждать его за это было грех. Не сам он себе лежку в госпитале устраивал и не по большому благу туда попал. В общем, мне пришлось равняться на него и сдерживать свои порывы. Я-то сам с раннего детства на лыжах бегал: в юношескую, а потом и в молодежную сборную области входил и потому усталости обычно не знал, а если и уставал, то умел терпеть и приводить себя ко «второму дыханию». В армии это помогало. Даже когда другие наши парни, хорошо подготовленные, начинали тормозить, я имел возможность прибавить темп. Но с Валеркой в напарниках темп прибавлять было нельзя. И даже укорять его не хотелось, хотя сам я не представлял пока, что такое дважды простреленная кость голеностопного сустава и длительное ношение гипса после операции. Наверное, это будет еще долго сказываться.

– Сегодня, пожалуй, и не догоним, – предположил я. – Может, помедленнее пойдем, но без остановки до утра?

– А нам нужно так спешить?

Уже этот встречный вопрос и тон, каким он был задан, показали, что Валерка слегка раскис. Нужно было его жестко приводить в норму. Именно жестко, иначе не получится, а если и получится, то ненадолго. И я нашел аргумент:

– А ты что, хочешь потом по лесу плутать и аукать? Долго искать придется. Лес громадный. И не сообразишь, куда они пошли.

Валерка вздохнул, соглашаясь, и перекрестился. Но ситуацию тоже оценил. В любом случае вдвоем себя чувствуешь не так, как со взводом. Наш маршрут – это не туристическое мероприятие, и находимся мы на территории, где людей найти непросто, да и те не всегда к нам доброжелательно относятся. Я сам еще до школы снайперов участвовал в операции по «зачистке» горного аула, где мы вытащили из подвалов четверых бывших солдат, превращенных в рабов. Кавказцы в большинстве своем сами работать не любят, но обожают заставлять работать на себя других. Это у них в порядке вещей и считается хорошим тоном на протяжении многих веков. Тех, кто рабов держит, односельчане уважают.

И потому задерживаться и оставаться постоянно в состоянии настороженности тоже не хотелось. Но пошли мы все же значительно медленнее, тем более что и сама тропа поднималась все выше и выше и дышать становилось труднее. А потом она вообще стала петлять среди высоких камней, полностью закрывающих обзор. И темнота уже была готова вот-вот подступить вплотную. Среди скал это ощущалось явственнее, чем на открытом месте.

И в этот момент мы впервые и услышали его...

Это был волк. Он выл безудержно-тоскливо, с какой-то многовековой затаенной болью, которую пытался вылить на окружающий его мир, в надежде таким образом избавиться от нее навсегда. Я никогда раньше не слышал волчьего воя, но сразу понял, что это такое, и ощутил, как под кожей по всему телу пробежал ледяной озноб. Даже под автоматным огнем врага такого озноба не ощущаешь. Там только злость и отчаяние, а здесь – что-то похожее на ужас. И вдруг ты начинаешь чувствовать свое бессилие, начинаешь понимать, что ты состоишь из обыкновенного мяса и костей.

И сразу вспомнились рассказы жителей аула об оборотнях...

Нет, конечно, ни я, ни Валерка не верили в оборотней. Тем не менее влияние волчьего воя на наши уши было таким, что поневоле верилось в любые небылицы. Валерка трижды перекрестился.

– Далеко он?

– А здесь определишь? Любой звук среди скал болтается, может сразу остановиться, а может за много километров убежать и только усилиться. Эхо...

– Неприятно...

– А ему, думаешь, приятно было бы нас встретить?

Валерка вздохнул, вытащил из глубокого кармана «разгрузки» трофейный автоматический пистолет «Глок» и переложил в другой карман, откуда его можно легко достать.

Пистолет модный, но дерьмовый, честно говоря. У меня был такой еще во время срочной службы, до контракта. При стрельбе ствол бросает так, что в автоматическом режиме прицельно из него можно только на площади в демонстрацию стрелять. Может быть, в кого-нибудь попадешь, но и это не факт. Скорее, все пули в небо уйдут. Одиночная стрельба еще более-менее нормальная. Но тогда зачем вообще автоматический режим сделан? Непонятная пластмассовая игрушка, хотя и называется громко «полицейским пистолетом». Ну да, полиции-то в самый раз демонстрации с таким разгонять...

У Валерки, насколько я знал, оставалось всего два патрона. Я еще перед выходом предлагал пистолет с собой не таскать, хотя и весит он совсем не столько, сколько «Стечкин». Но вот «Стечкин» с полной обоймой, несмотря на тяжесть, и я бы в дорогу прихватил. Только его у меня не было.

– Винтовки соберем? – спросил Валерка.

– Рано еще...

Наши крупнокалиберные винтовки «Харрис-93» в собранном состоянии, в отличие от российских крупнокалиберок, покороче, но и потяжелее, и неудобны при переноске. Это только на первый взгляд кажется, что без малого десять килограммов груз не слишком большой. А если еще и магазин на двадцать патронов прихватишь – а у патронов-то калибр 12,7

миллиметра, – следовательно, вес обоймы немногим меньше веса винтовки... А есть еще и комплектующие, начиная от портативной спутниковой метеостанции и боевого калькулятора и кончая прицелом с тепловизором и аккумуляторами ко всей системе... Как подумаешь, что тащить это придется на одном плече в гору на протяжении многих километров, сразу поймешь, что в разобранном виде винтовка гораздо более удобна. На каждое плечо по упаковке, и можно идти. А предложение со стороны Валерки прозвучало только для того, чтобы на отдых остановиться и дыхание перевести. Но нам лучше было медленнее передвигаться, чем останавливаться и тем сбивать себе дыхание.

Чем выше мы поднимались, тем прохладнее становилось. В горах ночи всегда прохладные, а на высокогорье особенно. А здесь высокогорье серьезное, если сюда вертолеты стараются не летать. От ходьбы и тяжести груза потеешь, а воздух вокруг холодный. Приятного в таких ощущениях мало.

– Не торопись... – попросил Валерка.

Голос его звучал уже с дистанции. Значит, я, задумавшись, оторвался от него. Так тоже парами не ходят. Напарника следует ждать. Я остановился и обернулся. Валерка вышел из-за поворота, сильно хромая. Наверное, мы слишком откровенно рискнули, отправившись в этот переход сразу после восьмичасового перехода до аула. Надо было отдохнуть, а там, может быть, и из взвода кто-то подошел бы. Нам в штабе батальона обещали, что нас могут встретить.

Валерка шел, глядя себе под ноги. И рот был открыт, и дыхание тяжелое. Я уже подумал было, что стоит привал объявить, пусть отдохнет...

Только в пяти шагах от меня Валерка поднял голову. И в его глазах я сразу прочитал приближение беды. Смотрел напарник не на меня, а мне за спину. Я уже обернуться хотел, когда почувствовал, что мне в позвоночник чуть ниже рюкзака уперся автоматный ствол.

– Привет туристам. Заблудились мальчишки, – сказал насмешливый голос с сильным кавказским акцентом.

Ситуация просчитывалась в общем-то легко. Нажать на спусковой крючок автомата вовремя тоже не так-то просто. Я легко успевал бы резко развернуться, отбросить одной рукой ствол, а второй ударить с разворота. Но тогда предназначенная мне очередь угодила бы в Валерку. Да и он смотрел не в одну точку, глаза у него бегали из стороны в сторону. Значит, за спиной было несколько человек, и, сбив с ног одного, я угодил бы под очереди других.

– Много их? – не оборачиваясь, спросил я Валерку.

– Пятеро, – сказал он и перекрестился. – Влипли, кажется...

– Влипли, влипли, – согласился тот же голос за моей спиной. – Креститесь не креститесь, теперь это вас не спасет...

* * *

– Что же ты патронами для меня не запасся? – спросил Валерку старший в группе боевиков, захвативших нас, невысокий крепыш с седыми косичками под окончанием усов. Он вертел в руках пистолет Валерки и уже убедился, что в обойме только один патрон, а второй был уже дослан в патронник. – Идешь в гости, нужно подарки с собой брать...

– Не успел пока другого такого, как ты, найти с таким же пистолетом, – спокойно и с достоинством ответил Валерка.

– Зачем тебе другой? – не понял боевик, хотя я уже понял.

– Чтобы его убить, а патроны забрать... Придется тебе самому своих собратьев убивать, чтобы патронами разжиться. В армии такие пистолеты не в почете. Дерьмо...

Боевик довольно усмехнулся.

– Дерьму – дерьмо...

И сам нарвался на ответ.

– Вот тебе и достался... Дерьму – дерьмо.

Валерка за словом в карман никогда не лез. И не из трухлявых оказался. Хорошо сказал.

Удар ногой в пах последовал незамедлительно. Но такой удар блокировать можно было без труда, что Валерка и сделал. Просто голенью отвел бьющую ногу в сторону. Мог бы и сам ударить в ответ, пока бандит был в неустойчивом положении, но пока не ответил. Да и как ответишь, если на тебя четыре автомата смотрят не мигая. Вернее, на него только два смотрели, потому что два оставшихся смотрели на меня.

– А ты храбрый, – сказал Валерка. – У нас в деревне баба одна такая же храбрая была. Пьяного мужа постоянно избивала. Он утром просыпается, весь избитый. Она говорит, таким домой, мол, пришел. Пока ему не сказали. Быстро, слава богу, отучилась...

И при упоминании имени Бога демонстративно перекрестился.

– Ты меня бабой обозвал? – взревел бандит.

– Мужчина мужчину уважает. А безоружного только баба бьет, – сказал я.

Это бандита, готового нанести Валерке второй удар, остановило.

– Посмотрим, кто из вас не баба, – сказал он. – А это что?

Он толкнул ногой одну из упаковок с «крупнокалиберками». С нас их сняли сразу, решив, видимо, облегчить нам дорогу.

– Посмотри, – равнодушно сказал я.

Бандит упаковку расстегнул, стал вытаскивать винтовку.

– Ух, ты... Лукман, по твоей части. Разберешься?

Стоящий дальше других бандит загнул вперед и наклонился.

– Крупнокалиберка. Американская дальнобойная. Всю жизнь о такой мечтал!

– Хорошая штучка?

– Класс! А у Адама почти такая же. Чуть-чуть похуже. Только я, пожалуй, со всеми этими приборами не разберусь. – Он посмотрел на нас. – Если никто не покажет...

– А Адам?

– Адам тем более не разберется. Он только стрелять умеет. С его-то винтовкой я ему разбираться помогал. Он дурак.

– Каждый бы дурак так стрелял! Муху влет бьет...

– Ох, и винтовочка... – Лукман гладил приклад.

– А я из-за каких-то пистолетных патронов ругался, – сказал первый. – А нам вон какой подарок принесли... Ну, спасибо вам, спасибо! Наш эмир человек благодарный. Он, может быть, в знак уважения решит вас просто расстрелять и не будет с живых шкуру снимать. Спасибо еще раз. И патроны есть...

– Тебе спасибо, обрадовал, – ответил я.

– Человек предполагает, а Господь располагает... – добавил Валерка и снова перекрестился, чувствуя, что этим сильно раздражает бандитов, и умышленно идя на обострение.

И словно в ответ ему совсем неподалеку раздался протяжный волчий вой. Мы с Валеркой переглянулись и тут же на боевиков глянули. Они на вой почти не отреагировали. По крайней мере, явно не показали своих эмоций и за оружие не схватились. Только Лукман плечами передернул, словно озноб сбрасывая.

– Идем, – сказал старший. – Пора уже...

2. Рота капитана Герасимова. Спецназ ГРУ

Капитан Герасимов собрал вокруг камня, служившего ему канцелярским столом, командиров взводов, чтобы поставить вводную задачу и провести инструктаж.

– Нас сегодня утром атаквали, если можно так сказать, хотя, по большому счету, нас только обстреливали с опушки леса. Часовой видел передвижение бандитов по опушке, но за

ее пределы они не выходили. Не решились на лобовую атаку. Я насчитал около пятидесяти автоматных стволов. Было два выстрела из «Мухи»⁵. Видимо, у бандитов есть еще несколько «Мух», и потому необходимо быть осторожнее. Выдвигаться начнем по всему периметру за три часа до рассвета. Конечный остаток пути до опушки леса все передвижения выполнять скрытно, ползком. Встать в полный рост можно будет только в момент соединения со своими, если это произойдет и если бандиты при этом будут далеко. Скорее всего, банда отошла в глубину леса, но резонным будет предположить и наличие засады. Минирование и простые растяжки можно будет встретить повсюду, и пото у еще раз предупреждаю об осторожности. Передвигаться с оглядкой, смотреть под ноги, контролировать все вокруг. Это всем ясно?

– Ясно, товарищ капитан, – ответил за всех командиров взводов лейтенант Локтионов.

– Теперь перейдем к конкретным мероприятиям. Первый взвод по главе с лейтенантом Локтионовым, как наиболее знакомый с местной обстановкой, занимает верхнюю позицию. Другим, кто склона не видел, спуститься там будет сложнее. Локтионов своих проведет и начнет спуск к лесу с левого фланга. В сам лес углубляться только после того, как станет ясно, что и остальные займут нужные позиции.

– Понял, товарищ капитан.

– Идем дальше. Второй взвод выходит овечьими тропами на дно ущелья и проходит вдоль ручья. Далеко в долину не углубляться, а готовиться к атаке только со своей стороны. Одновременно со вторым взводом третий заходит в долину как можно глубже, но не более чем на 200 метров. После этого первый взвод заходит в лес и пересекает его. При этом следует учесть, что линию нельзя разрывать. Лучше оставить открытым незначительный участок с самого края, чем ставить сеть, состоящую из сплошных дыр. Таким образом мы замкнем цепь окружения. Два оставшихся взвода под моей командой пойдут, вернее поползут, во фронтовую атаку.

– А «краповые»?

– Если они успеют к началу боя – хорошо. Не успеют, ну что ж. Но я оставляю сообщение для их командира. Пусть полностью перекроют выход из леса, плотной линией, и захватывают тех, кто попытается выйти оттуда.

Командир роты осмотрел своих офицеров, ожидая вопросов. Вопросов не последовало. И только после этого он перешел к следующей теме.

– Информация на всякий случай... У нас два солдата-контрактника пропало. Младшие сержанты Братишкин и Востриков. После окончания школы снайперов прибыли в бригаду на стажировку. Их высадили вертолетом на противоловинной станции и отправили пешком догонять нас. При отсутствии устойчивой радиосвязи не было возможности предупредить нас, чтобы встретили. В ауле снайперы были вчера во второй половине дня. Там не задержались и сразу двинулись догонять нас. По дороге пропали. Лейтенант Локтионов в сопровождении солдата своего взвода выходил навстречу, дошел до аула и вернулся обратно. Следов солдат он не нашел. Сбиться с пути было сложно, свернуть в боковое ущелье у них надобности не было, банда заперта в ущелье без возможности выхода через перевал. Тем не менее солдат нет. У них при себе были новые американские крупнокалиберные снайперские винтовки, имеющие оптику с тепловизором. Из-за этого их к нам и послали так срочно. Потому попрошу каждого отмечать любую информацию, которая поможет облегчить поиск. – Капитан еще раз осмотрел всех командиров взводов. – У меня все. Если нет вопросов, можно разойтись и начинать инструктаж и подготовку солдат. А лучше дать им сначала выспаться.

Конечно, полноценно выспаться за оставшееся время никто не сумеет, тем не менее привычным к таким графикам солдатам спецназа ГРУ хватило бы пары часов, чтобы почувствовать в себе новые силы. Командир роты это знал прекрасно...

⁵ «М у х а» – одноразовый гранатомет.

* * *

Капитан и сам не прочь был выспаться. Оставив вместо себя дежурного с приказом будить при любой информации и назначив время подъема, Андрей Александрович сразу же уснул, как только отдал себе внутренний приказ. И проснулся опять же сам, за несколько минут до назначенного для подъема времени, чем очень обрадовал дежурного, которому и самому хотелось хоть чуть-чуть поспать.

– Радиста ко мне и можешь идти отдыхать, – распорядился капитан и немножко помахал руками, чтобы разогнать кровь по телу. Ночь все же была прохладной, и нужно было немного согреться. Но согреться как следует не удалось, потому что откуда-то издалека опять послышался волчий вой. Теперь одиночный, но одиночным он был недолго, и уже через минуту к нему присоединились два других голоса из разных мест долины. Впечатление было такое, что волки разбрелись в разные концы леса и так перекликаются.

От этих диких тоскливых голосов в тело вместо тепла вошел холодок.

Радист младший сержант Серегин и сам знал, что подходит время сеанса связи, и велел дежурному разбудить себя чуть раньше. И потому на зов командира роты явился сразу.

– Разворачивай технику...

– Уже готово, товарищ капитан. Через две с половиной минуты подходите. Сеанс начнется...

Через две с половиной минуты, которые Герасимов сосчитал, не заглядывая в циферблат часов, младший сержант Серегин протянул подошедшему капитану наушники с микрофоном.

– Начальник штаба на связи...

– Здравия желаю, товарищ майор, – сказал Герасимов.

– Здравствуй, здравствуй. Докладывай обстановку. – Начальник штаба батальона был настроен по-боевому, и вообще он никогда не любил порожних разговоров.

– Рота прибыла. Установку для каждого направления дал. Сейчас солдаты отдыхают. Через час начнем операцию по зачистке леса. «Краповых» пока дожидаясь. Надеюсь, подойдут вот-вот. Снайперы пропали вместе с винтовками. И вообще обстановка неприятная...

– Что пропали два солдата – это очень неприятно. Попробуй их поискать. Хотя бы следы найди. И, как только все дела в лесу закончишь, начинай активный поиск. Прямо с аула. Пусть «краповые» там зачистку проведут. Все может быть... Могут там их держать. А сам путь к перевалу полностью прощупай. И докладывай результат.

– Я не про эти неприятности, – вдруг захотелось пожаловаться Герасимову.

– Еще что-то?

– Волки. В ауле говорят, что оборотни...

– Что-что? – переспросил Григорий Петрович.

– Из леса время от времени раздается волчий вой. Причем настоящий, не имитация. У меня в роте охотники есть – говорят, настоящий. Да и чувства он вызывает неприятные. В ауле говорили, что здесь волки-оборотни живут...

– В погонах или без? – спросил Григорий Петрович, явно не воспринимая сообщение всерьез. Да любой на месте начальника штаба батальона повел бы себя аналогично. – Оборотни в погонах сейчас – модная тема в прессе. Откуда волчьей стае взяться? Сейчас не зима. Волки стаями только в зиму бегают. Что-то ты не то говоришь, Андрей Александрович.

– И это мы обсуждали. Все понимают, что сейчас не зима. Тем не менее воеет целая стая. В разных местах леса...

– Не дури ты мне голову всякими оборотнями. – Начальник штаба не сердился, но смеялся. – Это вам бандиты что-то подсовывают.

– Удачно подсовывают, товарищ майор. У солдат уже настроение скверное от этого воя. Он вроде бы нас не преследует, тем не менее неприятно ощущать рядом волков. Только что вот выл, и у меня внутри все холодеет. Но у меня психика закаленная. А солдаты многие в неуверенности находятся, я заметил. Они бандитов не боятся, а с волчьей стаей встречаться откровенно не желают. Придется их туда сводить, чтобы сами увидели. Придется в любом случае, поскольку мы весь лес должны прочесать.

– И прочесывай. Через три часа доложишь. До связи...

Капитан передал наушники радисту, тот смотрел командиру прямо в глаза.

– Ты что?

– Не верят, товарищ капитан, в волков-оборотней?

– Не верят. А ты веришь?

– В мире много странностей бывает. Что-то там есть, а что – скоро узнаем. Хотя узнавать как-то жутковато... «Краповые», кажется, идут.

Из-за перевала раздавался шум, похожий на шаг колонны, идущей по площадной брусчатке. Конечно, горная почва тоже не отличается мягкостью, тем не менее все же лучше ходить потише, подумал капитан, вставая, чтобы встретить подкрепление, которому он отводил роль заслона...

* * *

Итак, все роли были распределены. «Краповые» выступили на обозначенные позиции почти без остановки. Да им и выступать-то было особо некуда, поскольку предстояло просто занять перевал, где для них даже окопы были подготовлены. На это было решено выделить треть личного состава, а остальными двумя третями, тоже далеко не удаляясь, перекрыть дно ущелья. Само ущелье никуда не ведет, но все же если бандиты прорвутся через ряды спецназа ГРУ, они могут рассеяться по склонам, где собирать их по одному будет и долго, и затруднительно, да и потерями это чревато. Но дно ущелья под перевалом было достаточно широким, и потому капитан Герасимов решил выставить туда большую часть спецназа внутренних войск. Внизу, конечно, предстояло окопаться и выложить из камней бруствер. Задача несложная, даже если учитывать ночное время. Нужно было только не шуметь при выставлении заградительной линии.

Тех бойцов, которым предстояло перекрыть перевал, Герасимов повел на позиции сам. И, производя смену, вспомнил про пустой окопчик на скале, что приготовил для себя рядовой Бапынаев. Вспомнилось, как кто-то из этого окопчика отвечал на вопросы, хотя сам Бапынаев в это время ушел с командиром взвода встречать снайперов.

Капитан повел на скалу двух бойцов из состава «краповых». На скале, при приближении командира, встал сам Бапынаев. Вернулся, значит, на свое подготовленное место.

– Ты с Локтионовым уходил? – спросил Герасимов.

– Так точно, товарищ капитан.

– Я внизу с солдатами разговаривал, отсюда кто-то в разговор вмешивался. Кто здесь был?

– Баштар Аббасов, наш пулеметчик. Я его попросил здесь посидеть. Сверху пулемету лучше стоять. Стрелять удобнее.

– А сейчас он где?

– На другой скале, выше меня. Пока мы в аул ходили, он выше себе место подготовил.

– Я здесь, товарищ капитан, – раздался голос с соседней скалы. Голос Герасимов узнал.

Вот и разрешилась одна маленькая проблема. Разрешилась просто, без всякой мистики. Разрешится сама собой и проблема с волчьей стаей, и с мистическими оборотнями. И обязательно разрешится просто.

Капитан подумал об этом с облегчением, но тут же, словно в ответ на его мысли, снова завыл волк. И завыл совсем близко. Второй подтянул почти сразу и тянул ту же ноту. Александру Андреевичу вдруг показалось, что волки и вправду его мысли читают.

– Это те самые, которые людям мозг выгрызают? – спросил «краповый», которому предстояло занять место Бапынаева.

– Те самые, – преодолевая себя, усмехнулся командир роты. – Но волки же, как известно, боятся красных флажков. А «краповый» берет ничем не хуже флажка. К вам волк не подойдет...

– Ну вот, значит, и каску надеть нельзя, потому что она зеленая. Зачем тогда тащил ее с собой. – Он похлопал себя по кевларовой каске, подвешенной к ремню ниже спины.

Каски у «краповых» серьезные. Прочные и легкие. Министр внутренних дел о своих подчиненных заботится. Почему же в армии никто о бойцах заботиться не желает? Почему армейская стальная каска до сих пор не нашла себе замены? Обычно отговариваются нехваткой средств. Но на что тогда бюджетные средства тратить, если не на солдат?

Герасимов уважительно потрогал кевларовую каску кончиками пальцев.

– На скале, наверное, можно и ее носить, – сказал капитан. – Сюда волку забраться трудно.

– Пожалуй, надену, – решил «краповый».

* * *

Командир группы «краповых» капитан Ермолаев, крупный краснолицый офицер с грубоватыми манерами, поделился с коллегой из спецназа ГРУ переговорным устройством из своих запасов, чтобы можно было координировать действия двух спецназов. У спецназа ГРУ были свои переговорные устройства у командира роты и каждого из командиров взводов, но все они работали в одном диапазоне, и попытка установить общую связь между военными разведчиками и «краповыми» не увенчалась успехом. Потому Ермолаев послал куда-то молодого солдата, и тот вернулся через пару минут с запасной «переговоркой».

– Штука казенная, не личная, – предупредил «краповый» капитан, вручая «переговорку» Герасимову, – подлежит обязательному возврату.

– Беру на себя обязательство... – кивнул Герасимов. – Ну, счастливо оставаться...

Он встал в полный рост и расправил плечи. Пришло время выступать. Три взвода уже выступили. Подошло время четвертому и шестому взводам. Пятый находился в Ингушетии, и, возможно, всей роте скоро придется отправляться ему на помощь. По крайней мере, начальник штаба батальона прозрачно намекал на это совсем недавно. Но это потом, а сейчас необходимо было думать о предстоящей операции.

Выставив вперед дозор из командира четвертого взвода старшего лейтенанта Патрикеева, который ночью видит, по его собственным словам, как две кошки, вместе взятые, двух пулеметчиков и одного автоматчика, капитан Герасимов шел рядом с командиром шестого взвода лейтенантом Корепановым. Передвигались неторопливо, беззвучно, и даже в ночи стремились укрываться под сенью редких деревьев и в тени скал. Когда тропа разделилась на четыре рукава, оба взвода растеклись по ним, чтобы прийти к опушке леса одновременно. Но подходить к опушке в полный рост, на манер Терминатора, Герасимов не собирался. Он сам выбрал необходимую дистанцию и передал команду сначала Патрикееву, ведущему передовой дозор, а потом, через сорок шагов, и всем остальным. Почти шесть десятков бойцов перешли на гусиный шаг. Скоро скалы, камни и заросли кустов скрыли спецназовцев от взгляда возможного наблюдателя из леса. А еще ниже, когда склон стал совсем пологим, Герасимов дал команду двигаться дальше ползком. Команду эту спецназовцы ГРУ всегда не любили хотя бы потому, что на тренировочных занятиях ей уделялось больше всего времени. Ползать в роте умели

все, причем почти так же быстро, как ходит обычный человек. И уж конечно быстрее, чем осуществляется скрытное передвижение в полный рост и, тем более, утомительным гусиным шагом.

Таким образом, иногда поднимая голову для внимательного ощупывающего взгляда вперед, два взвода спецназа добрались до опушки леса.

– Я – Центр. Командиры групп, доложите обстановку, – потребовал капитан Герасимов, прижимая к губам переговорное устройство.

– Я – Первый, – доложил лейтенант Локтионов. – Опушку уже видим. Последний спуск отнимает много времени. Стена почти вертикальная. Используем блок и веревки.

– Когда будешь на месте?

– Еще минут семь-восемь. Половина взвода спустилась.

– Продолжай. Как только закончишь, доложи. Остальные...

– Я – Третий, – доложил командир третьего взвода старший лейтенант Шамсутдинов. – Завершил выстраивание цепочки.

– Получилась замкнутая система?

– Не хватило человек пяти... Оставил открытой верхнюю часть.

– Сдвигайся до верхнего уровня. Оставляй открытой нижнюю. Если уйдут поверху, в лес, долго потом будем за ними бегать. Если уйдут снизу, есть надежда, что пойдут на «краповых». Пятьдесят на пятьдесят... Выгода очевидна.

– Понял, сдвигаюсь, товарищ капитан. – Шамсутдинов свою ошибку осознал сразу. – Минута уйдет. Через минуту буду готов.

– Жди команды. Второй...

– Я – Второй, – отозвался командир второго взвода лейтенант Балаклава. – Готов...

– Первый! Тебя ждем...

– Сложный спуск. Торопиться нельзя...

В этом лейтенант Локтионов был полностью прав. Лучше неторопливо завершить спуск и приступить к операции полным составом, чем поднимать, перевязывать и выносить с места операции кого-то, кто в спешке сорвется со скалы. Но ждать осталось недолго.

* * *

– Центр, я – Первый. Я готов. Вышел полным составом к опушке.

– Остальные... – требовательно и сосредоточенно запросил капитан.

– Третий готов...

– Второй готов...

– И Шестой готов, – пошутил лейтенант Корепанов, лежащий рядом с командиром роты.

– Продвигаемся в сторону цепи Третьего, – не отреагировав на хорошее настроение лейтенанта, скомандовал Герасимов. – Ползком... Внимательно... Вперед! Третий, смотри, чтобы твои в нас стрелять не начали.

– Я инструктировал. Смотрят внимательно. Стрелять будут только в определенную цель.

Продвижение в лес началось. Здесь уже не было необходимости торопиться, потому что требовалось не просто привыкнуть к темноте, но и ощупать каждое место, где можно было устроить замаскированную нору. Спецназовцы ГРУ – сами большие мастера устраивать такие норы, потому и искать их умели.

Но остановиться пришлось уже после первых пятнадцати метров.

– Командира роты на правый фланг... – шепотом передали по ползущей цепи.

Если передавали через солдат, значит, вызов идет не от офицера.

– Иду, – отозвался Герасимов.

Он сдвинулся в сторону, чуть отстал от основной цепи и пополз направо. И скоро заметил, где требуется его присутствие. Два бойца склонились над телом. Это явно было тело боевика, получившего пулю – скорее всего, в бою со спецназом минувшим утром. Пуля вошла в грудь и вышла через правую лопатку ближе к подмышке. Вторая пробила плечо, тоже навывлет. Неприятные ранения, но не смертельные. Если в банде есть врач или хотя бы санинструктор, раненого можно было бы попытаться спасти. Его не спасли. Скорее всего, добили. И смерть наступила совсем от другого ранения.

– Прикройте нас... – скомандовал капитан.

Двое бойцов, увидев в руках командира роты фонарик, сразу сообразили, с какой стороны следует прикрывать, сняли бушлаты и отгородили ими Герасимова от внутренней стороны леса. Капитан посветил. У бандита было разорвано горло. Разорвано идеально, с левой стороны, после чего кровь перестала поступать через сонную артерию к мозгу. Такую рану наносят или большие специалисты, или существа, подчиняющиеся только инстинкту.

Опять холодок пробежал под кожей, и капитан прислушался, не раздастся ли где-нибудь волчий вой. Но воя слышно не было. А на горле убитого были видны отчетливые следы острых зубов. Помедлив пару секунд, Андрей перевернул уже остывшее тело бандита лицом вниз и слегка отшатнулся после того, как навел фонарик на голову.

Это была уже не голова. Это была половина головы, потому что теменная часть черепа была сорвана и мозг почти полностью выеден.

«Оборотень... Оборотень... Оборотень...» – начала пульсировать в голове мысль.

Капитан попытался эту пульсацию остановить, но это ему удалось не сразу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Младший сержант Петя Востриков, почти готовый снайпер военной разведки – тоже разведчик

Руки нам связали за спиной, в двух местах. С непривычки от такого способа связывания сначала заболели не запястья и локти, которые стягивала веревка, а плечи и ключицы, потому что плечи неестественно выгибались в сторону спины. А стоило чуть-чуть подать их вперед, нудная боль приходила уже в локти. Бандиты свое дело знали, умели устраивать человеку даже маленькие мучения, не говоря уже о больших, и делали это психологически грамотно, предпочитая первые. Они прекрасно, должно быть, знали, что большие мучения всегда вызывают у человека ярость и отчаянную жажду к сопротивлению. И тогда, в состоянии аффекта, они проходят для жертвы не так заметно. А маленькие мучения, особенно если они длятся долго, всегда своим дискомфортом доставляют такие ощущения, которые изматывают нервную систему человека, а иногда и ломают его характер эффективнее, чем это делает обещание виселицы. Человек сам, своими мыслями, страхом за будущее, подводит себя к состоянию отчаяния. Это все и я, и Валерка знали из теории, хотя на практике сталкиваться с этим пока не приходилось. Нас самих обучали искусству связывания еще более изощренному, который называется «баба-яга». При этом способе руки за спиной стягиваются петлей, дальше петля перебрасывается через горло, потом веревка захватывает одну ногу, согнутую в колене, и подтягивает ее как можно выше. Когда связанный начинает шевелить затекшей ногой, он начинает сам себя душить. Если шевелит руками, то и в горло себе вцепляется, и ногу себе же одновременно выворачивает. Через час обычно начинаются судороги в задней части бедра. Чтобы побороть такие судороги, следует выпрямить ногу и как можно выше поднять переднюю часть стопы. Но этого не позволяет сделать веревка, и связанному каждое движение доставляет мучения от удушья. Человека такое состояние изматывает, постепенно уничтожает его волю. Через два часа лежания в такой позе можно проводить допрос пленника. Как правило, он бывает успешным.

Слышал я, бандиты тоже умеют «бабу-ягу» делать. Не все, но отдельные умеют. Из тех, кто сам прошел через такую практику. У них была возможность оценить этот способ. Но нам это пока не грозило, поскольку наши ноги бандиты предпочитали держать свободными. Тащить нас на своем горбу никто желания не проявил. А Валерка, как мог, тормозил их передвижение, хромя все сильнее и сильнее. Причем выглядело это вполне естественно, поскольку бандиты видели его хромящим перед самым пленением и сильно возразить не могли, хотя, наверное, хотели бы. Нельзя же заставить птицу летать, если у нее крылья подрезаны. То же самое относится и к человеку с больной ногой. Но вопрос все же Валерке задал. Тот самый бандит задал, старший, с седыми косичками под окончанием усов.

– Лодыжку подвернул?

– Не-а... Не подворачивал. После госпиталя... Две пули в лодыжке. Три месяца в гипсе. Не успел пока ногу полностью разработать. Иначе я тебе на твой пинок такого бы отвесил...

Бандит радостно заулыбался. Он оказался необидчивым.

С тропы мы свернули не на другую тропу, а просто протиснулись в узкую расщелину между скалами. Бандиты все были с рюкзаками, да и наши рюкзаки тоже несли, не говоря уже об упаковках с винтовками, но, чтобы в эту щель протиснуться, им пришлось снять с себя всю амуницию, двигаться боком и передавать вещи по цепочке – настолько щель была узкая. Нас в нее запустили после того, как двое уже зашли туда. Путь по расщелине был, как мне показалось, очень долгим, и сильно мешали двигаться связанные за спиной руки. Дважды я застревал, однако с усилием сумел протиснуться. Но метров через двадцать мы из щели вышли

и оказались на небольшой, плохо протоптанной тропе. Впрочем, чтобы протоптать тропу в твердом гранитном камне, нужно не один полк здесь прогнать десятком раз туда и обратно. Да и то едва ли тропа станет более заметной, если полк не будет укомплектован бронетехникой.

Идти опять пришлось через бурые скалы с богатым вкраплением слюды и опять же по расщелинам. Эти расщелины было достаточно широкими. Только излишне широкоплечему здесь нужно будет местами боком передвигаться. А так – путь не сложный.

Стемнело быстро. Ведущий боевик не постеснялся даже фонарик зажечь и светил себе под ноги, чтобы не споткнуться. Видимо, был уверен, что никто его не заметит. Но когда лезешь в такую крутизну, споткнуться все равно трудно, потому что ногу вперед всей подошвой ставишь. Разве что споткнешься по собственному желанию. Я такое желание испытал, споткнулся раз, потом другой. Не увидел, а услышал, как Валерка, идущий позади меня, тоже старательно споткнулся. И не раз повторил номер. А со связанными руками после падения и встать не так-то просто. Помогать нам подняться никто не спешил, и мы нормально отдыхали сидя, пока не получали пинка. Тогда поднимались до следующего падения.

– Ходить по горам вас не научили, – сказал старший бандит и пальцем подкрутил свои косички. – А еще «летучие мыши»⁶...

– По таким тропам ходить – привычка нужна, – изрек Валерка. – Посветил бы хоть кто под ноги. Надоело падать...

Но светить нам под ноги никто не пожелал. И мы благополучно продолжали замедлять общий темп передвижения, надеясь при этом сами не зная на что. Но надежда всегда умирает последней, и потому мы ждали возможного изменения ситуации. Тогда мы уже смогли бы показать, что в действительности значит «летучая мышь», внешне такая безобидная. Ну, совсем безобидная, как мы...

Один из принципов спецназа гласит: никогда не показывай противнику свою силу раньше времени. Пусть противник считает тебя слабым. И это делает слабым его самого, и тогда ты сам становишься хозяином положения. Мы с Валеркой эту истину знали хорошо и вели себя соответствующим образом. Он хромал все сильнее, а я передергивал плечами, да так часто, что старший не мог этого не заметить.

– Да не вырвешься ты из этой связки, не пытайся, – подтолкнул он меня в спину так, что я снова упал и не вставал в ожидании очередного пинка.

– Я и не пытаюсь, – сказал я устало, получил легкий пинок и неторопливо поднялся. – У меня старый перелом ноет. Плечи вывернули, вот и ноет. Потому и шевелюсь...

– Где перелом был?

– Большой плечевой бугор. Три перелома в одной кости.

У меня действительно был такой перелом в детстве, когда я на велосипеде в лесу заезжался и въехал плечом в дерево. Долго плечо болело. Года два, наверное. Потом прошло. Сейчас это вспомнилось вовремя. И показало бандитам мою слабость. Пусть считают меня слабым... Пусть. Они сами от этого ослабеют...

Валерка меня понял.

– Ты лучше расслабь плечи. Не так больно будет, – посоветовал.

Но он не знал о моем детском переломе. А последние годы мы с ним вместе служили. И за это время переломов у меня не было. Значит, Валерка принял игру. Мы оба с ним слабые. Слабые солдатики среди сильных бандитов. Пусть так считают. Пусть теряют внимательность. Тогда повысятся наши шансы на переворот ситуации. Пусть только случай представится. Мы свое дело сделаем...

⁶ Летучая мышь, распростершая крылья над земным шаром, – символ спецназа ГРУ, носимый на нарукавной эмблеме. «Летучие мыши» – так зовут спецназ ГРУ боевики в республиках Северного Кавказа.

* * *

Шли уже больше двух часов. Правда, шли раз в шесть-семь медленнее, чем шли до этого вдвоем. Судя по всему, тропа среди скал выводила нас на вершину хребта. Маршруты по траверсу⁷ всегда нелегкие, а уж преодолевать их со зверски связанными за спиной руками вообще проблематично. Сказывалось высокогорье. Дышать было тяжело. И мы с Валеркой с удовольствием и восторгом задыхались. Так задыхались, что иногда и идти не могли. Просто садились на камни и дышали. Бандитам тоже, скорее всего, идти было трудно, поэтому нас теперь уже не подгоняли. Они отдыхали вместе с нами. Это приятно было видеть. Если не ломать комедию, я смогу пройти весь этот путь туда и обратно дважды, прежде чем бандиты его преодолеют хотя бы один раз. Так я оценил их способность, но показывать это я не намерен. И Валерка тоже. Он вначале комедию поломал, когда старший бандит пинаться начал. Взъерепенился... А потом, надо полагать, понял, что следует сделать: показать бандитам, что ты «сломался». Сломанного человека мало уважают, но за ним и присматривают вполглаза. А нам только этого и надо. Я даже уверенность внутри себя почувствовал и во время очередной остановки для восстановления дыхания присматриваться начал. Бандиты сидели кучно, и бить их было бы сплошное удовольствие. Если бы не связанные руки, мы бы с Валеркой голыми руками заставили их на «пятой точке» с хребта скатиться. Это несложно. Всего несколько выверенных ударов, и мы на свободе. Но пока мы были бессильны. Оставалось ждать, когда с рук снимут веревки.

Но и руки уже, к сожалению, стали уставать. Сначала налились тяжестью плечи, а потом и руки неместь начали. Сначала онемение было еще не такое, что могло привести к омертвлению тканей, но тоже чувствительное. В мышцах ощущалось острое покалывание. Но нам с Валеркой это дало новый повод для демонстрации своей слабости.

Я сел на камень и глубоко вздохнул, переводя дыхание.

– Иди, иди, – прикрикнул старший. – Только что сидел.

– Если мне веревку не ослабят, у меня руки отсохнут, – сказал я настолько категорично, что старший бандит посмотрел на меня внимательно. – Лучше уж сразу со склона прыгнуть, чтобы не мучиться. Все, сил уже нет терпеть...

– Кто-то недавно про мужчин толковал, – припомнил он.

Да, я эту свою ошибку осознаю. Сначала хотелось показать силу и гордость. Думал, что нас сразу пристрелят. В этом случае и смысла не было притворяться. А сейчас смысл появился.

– Ослабь веревку, – потребовал я. – Хотя бы локти освободи...

Старший боевик усмехнулся, но, подойдя ко мне со спины, веревку ослабил и локти освободил. Признаться, я не ожидал от него такой милости. И сделал правильный и естественный, как мне показалось, вывод – бандитам что-то от нас нужно.

Валерка не просил ни о чем. Он просто повернулся к старшему бандиту спиной, подставляя руки, и тот распустил веревку у него на локтях. Вот и хорошо. Теперь для восстановления кровообращения потребуется меньше времени. А это значит, что, если мы окажемся на свободе, мы быстрее сможем действовать.

Но интересно, какие же у бандитов могут быть на нас планы? Хотят на кого-то сменить? Такое уже было и проходило несколько раз. Родственник родственника вытаскивал в обмен на заложника. Правда, потом ни тому ни другому родственнику уйти не удавалось. Но это частные варианты. А что нас ждет?..

⁷ Маршрут по верхней линии хребта или вблизи этой линии.

* * *

С вершины хребта с правой стороны в дневное время суток, как я понимал, хорошо было видно пока еще далекий лес. Это тот самый Погорелый лес, куда мы шли и где сейчас должен находиться мой взвод вместе с командиром роты. Напрямую – это совсем рядом. Но в ночи была видна только темнота по всему склону хребта, и невозможно было разобрать, есть там лес или нет его. Но за время нашего марша вырубить весь лес было трудно, и хотя бы что-то должно было остаться. Хоть бы огонь костерка увидеть сверху, и то стало бы легче, несмотря на то что уйти отсюда к костру возможности нет никакой. Согласно карте, которую отобрали у нас бандиты, но которую я хорошо помнил, потому что изучал ее тщательно еще до вылета из бригады, с хребта прохода в лес не было. Были скалы, которые впору великим скалолазам преодолевать, но никак не воинским частям или местным бандам. А это означало, что отсюда спуститься невозможно. Мы с Валеркой, к сожалению, не скалолазы. И тем более не великие. И нам прямого пути к своим нет. А единственная возможность возвращения, если, конечно, она представится, – только одна: тем же путем, которым пришли. Его тоже, кстати, на карте нет. Но его необходимо запомнить. И я старательно запоминал. Уверен, что Валерка запоминал тоже. Хотя ночь вовсе не способствовала тщательному разглядыванию пути. Если бежать из плена ночью, то легче будет вспомнить. А днем очертания скал и тропа выглядят совсем иными.

Но это все касается тропы в скалах. На самом же траверсе тропа более заметна, и днем ошибиться будет невозможно. Я отметил это с удовольствием.

– Имран, нам не пора? – спросил бандит, идущий первым, старшего группы.

– Еще шагов сто, – ответил Имран.

Они говорили на русском. Из этого можно было сделать определенные выводы. Или это было сказано специально для нас, чтобы, например, ввести нас в заблуждение, запутать; или в банде представители разных национальностей, и для всех для них понятен один общий язык – русский. Я был склонен ко второму варианту, потому что запутывать нас можно было только в том случае, если мы не пленники. А если мы не пленники, то нам бы руки не связывали. И вообще, это было слишком сложно для простых бандитов, излишне уверенных в себе, как все кавказцы. Но из всего этого самой точной информацией пока было имя бандита с седыми косичками под кончиками усов. В данный момент это имя нам ничего не давало, однако когда-то и оно могло бы пригодиться и сыграть какую-то решающую роль в сложной ситуации. При наших обстоятельствах следует запоминать любой пустяк...

* * *

Я стал считать шаги. Это, кстати, вообще общепринятая практика, когда не хочешь чувствовать какое-то неудобство при ходьбе – например, когда обувь натирает. Считаю шаги, и забудутся неприятные ощущения. Если считать лень или ты вынужден стоять, а не идти, нужно что-нибудь вспоминать, например, какое-то стихотворение из школьной программы.

Я стал считать шаги, и забылись неприятные ощущения в руках. Но я считал, понятно, не для этого. И насчитал чуть больше девяноста, когда ведущий резко свернул налево. Видимо, он плохо ориентировался в темноте, и потому Имран крикнул:

– Не здесь, Азамат, еще шагов десять. Здесь свалишься...

Азамат сваливаться не пожелал, резко, почти испуганно вернулся на прежний уровень и снова двинулся вперед.

– Вот-вот... Здесь, сворачивай, Азамат, – подсказал Имран еще через двенадцать шагов по моему счету. Шаги-то у всех разные. Мои двенадцать, может быть, и равняются десяти

шагам Имрана, поскольку он идет, как я заметил, широким топающим шагом. Уверен, когда ему руки свяжут, он пойдет по-другому.

Вслед за Азаматом свернули все мы – и потерялась последняя возможность увидеть костер по другую сторону хребта. А само движение сильно замедлилось. Нам с Валеркой уже не требовалось умышленно устраивать короткие стоянки. Но, конечно, скорость была оправданной, и это чувствовали все. Спуск был очень сложным, и Имран, понимая ситуацию и наше в ней положение, решил нас с Братишкиным подстраховать. Он прицепил одну веревку к моему поясу и передал свободный конец своему соседу, вторую веревку он прицепил к поясу Валерки и оставил свободный конец у себя. Если уж нас так берегут, понял я, спуск действительно сложный. И не ошибся. И меня, и Братишкина несколько раз удерживали за веревку, иначе мы обязательно сорвались бы, потому что при спуске необходимо было держаться руками за камни, а связанными за спиной руками держаться не слишком удобно. Одновременно я видел и другой вариант развития событий. Тот бандит, что вел меня на поводке, как собаку, сам чувствовал себя не очень уверенно и, как мне показалось, этого спуска боялся. Он держался за камни даже тогда, когда необходимости в этом не было. Может, голова кружилась от воображения, потому что она не могла кружиться от невидимой высоты. И на меня он обращал мало внимания. Только когда веревка сильно натягивалась, бандит перебрасывал свой конец через плечо, упирался ногами и таким образом страховал. В этом случае хватило бы одного резкого движения, простого скачка, чтобы он сорвался с кручи. И я бы проделал такой фокус, если бы не опасался, что бандит будет за веревку, то есть за меня, держаться, как утопающий за соломинку, и сбросит меня вслед за собой. А я и ухватиться за камень возможности не имею, потому от затеи пришлось отказаться.

Но опасный спуск был недолгим. Скоро на смену ему пришла ровная площадка размером метров пять на шесть, где все уселись отдыхать. А от площадки в сторону вела пологая тропа, продолжающая спуск со склона, и было нетрудно догадаться, что мы пойдем именно по ней.

Долго отдыхать группе Имран не позволил.

– Камни ночью холодные, простынете... Вперед! – скомандовал он опять на русском языке.

Я уже обратил внимание, что на своем языке разговаривали друг с другом только двое из пяти бандитов. С остальными же они говорили по-русски, и те между собой говорили по-русски. Значит, здесь могли быть представители четырех национальностей. Удивляться этому не приходилось, потому что, как я слышал, в самом Дагестане существует более двадцати равноправных языков, принадлежащих живущим в республике народам. Все языки, естественно, родственные, но не всегда понятные. Так, русский не всегда поймет, что говорит украинец или белорус, но оба они поймут, когда говорит русский. Такая же картина, наверное, и здесь наблюдается. Но если по-русски говорят все, следовательно, наличия в группе иностранных наемников предполагать не стоит, хотя не стоит и исключать.

Я поймал себя на этих мыслях, казалось бы, совсем неуместных, и понял, откуда они пришли. А пришли они от командира роты капитана Герасимова, который много раз говорил, что военный разведчик в любой ситуации, что бы с ним ни произошло, должен оставаться военным разведчиком и анализировать все, что вокруг него происходит. И военный разведчик только тогда будет состоявшимся, когда он будет проводить анализ автоматически, не задумываясь над тем, есть ли необходимость его делать. То есть это станет привычкой.

Пусть привычка работает. Я выработывал ее в себе и выработал. Но для чего она нужна в теперешней ситуации? Ответ пришел сам собой. Пока во мне работает привычка анализировать события, я не сомневаюсь, что все переменится. То есть на подсознательном уровне я осознаю, что все равно стану победителем. Пусть и пройдя через испытания, но стану. И этот подсознательный заряд энергии помогает держаться, помогает сохранять холодную голову и ищет путь к освобождению. И не просто к освобождению, а к победе над противником. Когда

и сознание, и подсознание направлены в одно русло и работают в унисон, человек становится способным на многое. И я готовил себя к тому, чтобы многое совершить...

* * *

Тропа долго была почти прямой, только местами слегка петляла, чтобы обойти какую-то скалу. И только через двадцать минут ровного движения спуск стал постепенно приобретать крутизну. Но до той крутизны, по которой мы спускались с горы, этой крутизне было далеко, и потому она уже не казалась нам серьезным препятствием. И даже Имран не позаботился, чтобы снова привязать к нам страховочные веревки. Без них, впрочем, идти было тоже не сложно. Здесь, на спуске, мы уже не могли спотыкаться и падать. Даже останавливаться, чтобы перевести дыхание, уже необходимости не было, потому что никто на таком пути не задыхался. А тропа скоро снова выровнялась и, к моему удивлению, перешла в классический «серпантин», который снова повел нас в сторону хребта. Непонятно было, зачем мы спускались, если могли просто по траверсу дойти до той же точки. Однако я понимал, что без причины ничего не случается, и причина должна скоро открыться. Так и получилось. Серпантин кончился и перешел в строго горизонтальную, едва приметную на камне тропку с сильным уклоном вбок. Идти по ней было не совсем удобно, потому что приходилось постоянно сгибать ноги.

В итоге тропинка уперлась в скопление скал. И я почти сразу догадался, что где-то среди этих скал будет расщелина, которая изменит наш путь. Так и оказалось. Скопление скал мы обходили с нижней стороны, и чуть дальше в скале была трещина, через которую мы и начали перебираться по одному. Трещина была глубокой, хотя и не прямой, и через три поворота нам открылась площадка, по другую сторону которой зияла чернотой дыра. Это был, как я понял, вход в пещеру. Азамат, опять идущий первым, хотел было шагнуть в темноту, когда откуда-то из глубины пещеры, причем явно издалека, до нашего слуха донесся тоскливый волчий вой. Он не совсем походил на тот, что мы слышали раньше, но что это тоже был волк, сомнений не было.

Азамат шарахнулся в сторону, оглянулся и посмотрел на других бандитов.

– Шагай, шагай... – грубо прикрикнул Имран. – Не слышишь, что ли, волки далеко. Наверное, в своем логове. У нас есть еще в запасе больше часа.

– Оборотни, а не волки... – сказал вдруг Валерка с непонятной даже мне радостью.

Я не видел этого, но почувствовал, как вздрогнул стоящий рядом со мной Лукман, всю жизнь мечтавший о крупнокалиберной снайперской винтовке. Он нес мою винтовку. Но поможет ли она ему при встрече с оборотнем? При всей мощи своего калибра, поможет ли?..

2. Младший сержант Петя Востриков, почти готовый снайпер, совершает попытку к бегству

Я не очень удивился тому, что в пещеру, по которой нас пригласили прогуляться со связанными за спиной руками, не было проведено электричество. В эту сторону республики вообще никакие линии электропередачи не идут. А заводить здесь дизельные станции не выгодно, поскольку топливо можно доставлять только на своем горбу. Но люди все равно знают, что где-то электричество существует. Кажется, в том ауле, где нас волками пугали, об этом благе цивилизации мечтают с той поры, когда зажгли первую «лампочку Ильича». Тогда им, наверное, впервые пообещали электричество подвести. С тех пор и подводят. Ждут чуть меньше века. Но в горах, как всем известно, живут долгожители. Они имеют возможность подождать еще. И пусть ждут...

Бандиты шли по пещере с зажженными фонарями, не очень заботясь о том, что заряда батареек может не хватить. У меня сразу возник вопрос относительно того, где они берут к своим фонарям эти самые батарейки. Но где-то берут, значит, имеют прочные связи с внешним миром, и это, кстати, один из способов выследить их в дальнейшем. Но во время похода по пещерам, к сожалению, рядом не было никого, кто мог бы внятно ответить на этот вопрос. И выяснять его придется мне с Валеркой. Но это наша профессия, выяснять такие вопросы и им подобные. Мы, конечно, не офицеры военной разведки, мы только младшие сержанты контрактной службы, но сама служба по контракту уже подразумевает некоторый профессионализм, иначе и смысла бы в ней не было. И потому мы могли говорить твердо, что разведка – это наша профессия. Хотя, по большому счету, мы только снайперы в разведывательном подразделении. Почти готовые снайперы. Осталось только отстажироваться и сдать экзамены. Но для этого необходимо еще винтовки себе вернуть, несмотря на то что они бандитам сильно понравились. Я не думаю, что это слишком сложное дело. Не будут же нас постоянно держать со связанными руками. Когда-то развяжут, когда-то стволы автоматов будут смотреть в другую сторону или предохранители окажутся в верхнем положении. Достаточно трех-четырех секунд, чтобы обратить ситуацию в свою пользу. И мы умеем это делать. Но мы и ждать умеем. И потому дождемся самого выгодного момента. Валерку я хорошо знаю. Он не отступит и не подведет.

Признаться честно, бандиты меня удивили. Они шли уверенно и ни разу не ошиблись поворотом, хотя ошибиться было нетрудно, поскольку пещера представляла собой не грот с высоким сводом, как порой случается, а множественные коридоры и чем-то напоминала лабиринт. Заблудиться здесь было проще простого. Чтобы запомнить обратный путь, я считал все боковые проходы с левой стороны. Значит, на обратном пути буду считать правые. В том, что обратный путь будет, я не сомневался.

Шли мы долго, и путь был почти прямым. Если я правильно сориентировался, то направление наше было строго к западу. То есть мы пересекали хребет под землей, если это можно было назвать землей, но не под прямым углом к противоположному склону, а наискосок, с тем чтобы выйти в противоположном от перевала конце. Бандиты торопились и на всем протяжении пути останавливались всего дважды.

В первый раз остановка была вызвана новым волчьим воем. Но на сей раз волк выл не в глубине пещерных ходов, а где-то у нас за спиной и, как мне показалось, довольно недалеко. Впрочем, по пещере вой разносился, словно проходя через трубы, и, несомненно, сильно искажался, менялся и одинаково мог и ослабнуть и усилиться, в зависимости от стен и потолков проходов. Здесь ошибиться было легко. И принять далекое за близкое. Я уже обратил внимание, что острее всех на вой реагирует Лукман. Или лучше, чем другие, знает, что это такое, или же просто по характеру не настолько жесткий, как остальные, и воспринимает опасность острее.

Вторая остановка произошла в самом большом зале из тех, что попались нам на пути. Азамат, как обычно, идущий впереди, остановился в нерешительности.

– Думай, думай, вспоминай... – в этот раз Имран не пожелал подсказывать откровенно.

Мне вообще показалось, что Имран, грубо говоря, натаскивает Азамата на роль ведущего. Наверное, это было с чем-то связано, но трудно сказать, с чем именно, не имея дополнительной информации. Но и то, что мне показалось, тоже было информацией, и я это запомнил, уверенный в том, что в нашей ситуации не существует понятия «не мое это дело». Здесь каждое дело мое, поскольку каждый боец спецназа ГРУ, как говорил капитан Герасимов, в любой ситуации должен оставаться самостоятельной боевой единицей. Я желал этой единицей оставаться и рассчитывал, что смогу использовать все, что мне удастся узнать и понять в жизни бандитов. Что-то, конечно, может и не пригодиться. Но что-то может и пригодиться, и необходимо запоминать все, потому что никогда не знаешь, что будет дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.